

АРТУР КРУПЕНИН

МОЙ
БОЛЬШОЙ
ГРЕЧЕСКИЙ
РЕМОНТ

Артур Крупенин

Мой большой греческий ремонт

«Автор»

2018

Крупенин А. Б.

Мой большой греческий ремонт / А. Б. Крупенин —
«Автор», 2018

ISBN 978-5-900048-88-8

После многолетних поисков идеального места для дачи семья москвичей приобрела недвижимость на берегу Эгейского моря, пребывая в полной уверенности, что мелкий косметический ремонт мигом превратит новое с виду жилище в дом мечты. Однако качество постройки оказалось настолько никудышным, что, для того чтобы привести дом в порядок, автору – в прошлом популярному телеведущему – пришлось прожить в строительной пыли долгих пять с половиной лет. За это время он успел рассориться с подрядчиками, подружиться с соседями, взять шефство над бездомными кошками, освоить местные обычаи, стать писателем, издать три книги и пройти через невероятное количество забавных приключений.

ISBN 978-5-900048-88-8

© Крупенин А. Б., 2018

© Автор, 2018

Содержание

От автора	6
I. В поисках Итаки	7
1. Завтрак в таверне	7
2. Биржевая рулетка	9
3. «Американская военщина»	11
4. Негодяй Филимонов	16
5. Встреча с Эпидавром	19
6. Инцидент с гусями	23
7. Мария Каллас и арифметика по-гречески	25
8. Любовь с первого взгляда	27
9. Корочка на пироге	30
10. Однажды в Гаване	32
II. Дом наш!	35
11. Ирландское чудо	35
12. Купить то, чего нет	38
13. Сделка	40
14. Смотритель в придачу	43
III. Год первый: Поэтажный план рая	46
15. Побочный эффект дружбы	46
16. Греческая Масленица	50
17. Гений ущерба	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Артур Крупенин

Мой большой греческий ремонт

Отзыв Андрея Макаревича на книгу:

«Очень живая, познавательная, а в некоторых ситуациях незаменимая книжка.

Написанная с улыбкой. Это я особенно ценю».

© А. Крупенин, автор, 2016

© Константин Молчанов, оригинал-макет, 2017

© Издательская группа «Арбор», 2018

От автора

Я всегда был впечатлительной натурой, и вырванная из контекста фразочка Гёте «пусть каждый будет греком», еще в молодости засеяв занозой у меня в мозгу, с годами превратилась в навязчивую идею, а потом и вовсе обрела силу приказа, противиться которому стало решительно невозможно. А поскольку моя жена по уши влюбилась в сиртаки, бузуки и цацки еще до знакомства со мной, то, подчинившись обоюдному внутреннему императиву, мы долго-долго искали, где бы урвать персональный кусочек средиземноморского рая, пока не наткнулись на Эпидавр – невероятное сочетание природной красоты и рукотворного величия, примостившееся среди сосен и скал Саронического залива, где и сподобились приобрести возделенную греческую дачу. Как это случилось и что происходило с нами впоследствии, в подробностях изложено ниже.

И хотя я понимаю, что в силу политических особенностей момента в нынешней России людей вроде меня, посматривающих в сторону дальнего зарубежья не с ура-патриотическим пренебрежением, а с искренним уважением и интересом, считают чуть ли не предателями Родины, ничего не могу с собой поделать – очень хочется поделиться наблюдениями о чужой, но ласковой земле и ее обитателях.

Кроме того, я очень надеюсь, что эта книга послужит не только путеводителем по Эпидавру и северо-востоку Пелопоннеса, но и учебным пособием для тех, кто подумывает о том, чтобы обзавестись собственным уголком в обласканной солнцем Греции или где-нибудь неподалеку.

I. В поисках Итаки

В ПОИСКАХ ИТАКИ

1. Завтрак в таверне

В то утро я и моя жена Кузя – это образованное от фамилии прозвище намертво прилипло к ней еще в школе – сидели на веранде таверны «Мурайо», потому и названной «причалом», что она, по сути, является его продолжением. Вместе с нами субботнюю трапезу делил голландец по имени Маринус, как и многие постоянно проживающие в городке иностранцы на досуге подвизавшийся риелтором. В случае с нами никакого барыша он, правда, так не получил, поскольку сделка, слава тебе господи, состоялась без посредников. Тем не менее, мы решили отблагодарить голландца за потраченное время привезенными из Москвы сувенирами и стряпней, которой заслуженно славится «Мурайо».

Напутствуя нас и торжественно принимая в ряды своих новых соседей, Маринус вдруг посерьезнел, обвел взглядом один из красивейших пейзажей, когда-либо созданных природой, и сказал:

– Эпидавр на первый взгляд представляется сущим раем. На самом деле это лишь иллюзия, в чем вам рано или поздно предстоит убедиться.

Мы с Кузей озабоченно переглянулись, но отступить было уже некуда.

* * *

Жизнь человека подобна странствиям Одиссея. Каждый из нас в постоянном стремлении к счастью и лучшей жизни ищет свою собственную Итаку. Кто-то ее находит, а кто-то – нет. Причем вектор поисков может многократно меняться самым кардинальным образом. Отчего это происходит? Ну, например, под впечатлением от встречи с ярким человеком.

Дело было на туристической выставке, в тот год проходившей в Экспоцентре на Красной Пресне. Так вышло, что хозяйка одного солидного турагентства, специализирующегося на Греции, узнала меня в толпе посетителей. Это случилось в ту короткую пору, когда меня, пускай и с некоторой натяжкой, можно было назвать популярным телеведущим.

Как понять, что ты популярен в народе? Очень просто. Это когда каждый второй прохожий тычет в тебя пальцем. Или когда незнакомая красотка на светской вечеринке после трехминутного трепа ни о чем неожиданно шепчет тебе на ухо: «Переспим»? Или когда дюжая торговка, бросив свой прилавок на произвол судьбы и энергично растолкав локтями покупателей, пробивается к тебе сквозь толпу только для того, чтобы потом заорать на весь рынок: «А в телевизоре-то он куда симпатичнее!»

Не стану вдаваться в рассуждения о природе телевизионной славы, лишь процитирую слова человека, понимающего в этом деле куда больше моего. Любезно согласившись стать гостем передачи, которую я тогда вел, Владимир Познер принялся объяснять собравшимся в студии зрителям, что если на экране регулярно демонстрировать лошадиный зад, то и он со

временем неизбежно станет популярным. Для пушей доходчивости Познер в лицах разыграл забавную сценку:

- Смотрите-ка, это же тот самый зад!
- Тот самый? Не может быть!
- Говорю вам, это точно он!

Признаюсь, в какой-то момент я даже стал не на шутку опасаться, что, в очередной раз произнося слова «лошадиный зад», Познер со значением оглянется в мою сторону, но, слава богу, пронесло.

Уж не знаю, сам ли Владимир Владимирович придумал это образное сравнение или, в свою очередь, почерпнул у американского коллеги, когда был соведущим в мега-популярном ток-шоу «Познер и Донахью», но правда в этих словах, безусловно, есть.

Но бог с ней со славой, вернемся к туристической выставке. Лена – так звали хозяйку турагентства – по счастью или на беду, о чем судить вам, регулярно посматривала давно канувший в Лету телеканал ТВ-6, где я тогда трудился, так сказать, не покладая языка.

Скептически осмотрев пачку посвященных Италии рекламных проспектов у меня под мышкой, Лена нежно, но цепко подхватила меня под локоть. А продавец она, надо сказать, от Бога. Уже через три минуты я твердо знал, что ехать нужно не в Италию, а исключительно в Грецию, и не просто в Грецию, а на Крит, и жить мы будем не где-нибудь, а на ветряной мельнице, любуясь морскими видами под нежный шелест парусиновых крыльев. В общем, предложение было из тех, от которых, по меткому замечанию дона Карлеоне, невозможно отказаться.

То случайное знакомство потихоньку переросло в дружбу с Леной и Женей, ее партнером по турбизнесу и мужем по совместительству. И Лена, и Женя в свое время подолгу жили в Греции, оба прекрасно знали, а самое главное, любили эту страну. Ребята прокладывали нам потрясающие по красоте маршруты, а вернувшись из очередного путешествия, мы делились с ними впечатлениями от поездки.

И вот в какой-то момент Лена с Женей стали размышлять, а не приобрести ли им недвижимость в Греции. Мало того, по расчетам Жени, получалось, что если купить в кредит недорогой дом в правильном месте и сразу сдать его в аренду, то он сам собой будет отбивать банковский процент. Красота да и только!

Эти застольные фантазии были так прекрасны, что какое-то время спустя нам с Кузей тоже до смерти захотелось обзавестись собственным уголком на берегу Средиземного моря.

О, сколько раз мы мечтали о том, как в одно прекрасное утро выйдем из дома, налегке отправимся в аэропорт, сядем в самолет и приземлимся за морем. А потом возьмем свободное такси и приедем... домой! Не в гостиницу, не в какие-то чужие апартаменты, а именно к себе *домой*. Туда, где все родное и знакомое, где каждая вещь знает свое место и где матрац с подушкой идеально подходят к нетривиальным обводам твоего тела. Что может быть прекраснее? А кроме того, дело ведь не только в том, чтобы завести греческую дачу, а в том, что к ней автоматически прилагаются неизведанные ощущения – новые запахи, новые вкусы, новый язык и новые люди.

По моему глубочайшему убеждению, ничто так не разнообразит наше существование, как жизнь на два разных мира. Ты будто проживаешь две жизни одновременно. Мне кажется, не столь важно дотянуть до ста лет, сколько как можно полнее и ярче прожить тот куда более скромный срок, что тебе отмерен. Вы не находите?

2. Биржевая рулетка

Прежде всего надо было определиться с местом, и к этому делу мы подошли фундаментально. Первым шагом стало детальное изучение особенностей климата в различных районах Греции, всяких там температурных чартов, карт с подробным описанием количества осадков и их распределением по сезонам.

Изыскания показали, что в плане погоды предпочтительны Кикладские острова, Крит, Аттика и восток Пелопоннеса. Первый этап состязаний выиграли острова, где зимой обычно чуть теплее, а летом чуть прохладнее, чем на континенте. Что ж, острова, так острова, тем более что мы уже успели проникнуться ко многим из них самыми нежными чувствами.

Поскольку в глубине души я смутно догадывался, что процедура поиска правильного места – самая приятная и необременительная часть грядущей эпопеи, то сделал все от меня зависящее, дабы не форсировать процесс. Да и положила руку на сердце, когда я почти десять лет назад приступил к системному поиску жилья и первым робким переговорам с риелторами, у нас и денег-то практически не было. Это обстоятельство, впрочем, вовсе не мешало мне регулярно таскаться по популярным в ту пору выставкам зарубежной недвижимости и, надувая щеки, с важным видом прицениваться к строительным объектам, представленным в запредельном для нас ценовом диапазоне.

Эта ни к чему не обязывающая суэта, полная маниловских фантазий, в один прекрасный день была прервана неожиданным известием – нам удалось подзаработать! По правде говоря, заработать случилось не столько мне, сколько Кузе. Ее дела, в отличие от моих, резко пошли в гору, и каждая очередная покоренная ступенька служебной лестницы шаг за шагом возносила жену в верхние слои корпоративной стратосферы.

Как ни обидно, но даже новый уровень доходов все еще не позволял всерьез думать о покупке приличного дома. По правде говоря, у нас тогда не было не только денег, но и четкого понимания того, что же представляет собой это заезженное словосочетание – «дом мечты». Но русская душа, она же загадочная: уж если что себе втемяшит, то втемяшит.

Короче говоря, посоветовавшись, мы решились на отчаянный шаг. Поняв, что заработать быстро и много можно, только многим рискнув, мы дали себе слово дожидаться очередного экономического кризиса и попробовать на этом сыграть, благо уж чем-чем, а кризисами родная земля и щедра, и богата.

Кроме сумасшедшего плана, о котором я расскажу позднее, у нас, разумеется, был и план «б», а именно взять долгосрочную ссуду в банке. Ну, то есть на тот маловероятный случай, если очередной кризис по какой-то непонятной причине возьмет и запоздает.

Сразу скажу, во всем, что касается частотности кризисов и вероятности их наступления, моя жена разбирается самым doskonaльным образом. Она, между прочим, математик по образованию, окончила факультет экономической кибернетики и вообще существо чрезвычайно разумное и пугающе организованное.

В общем, сыпля непонятными словами и именами ученых, жена прочла мне краткую лекцию об экономических циклах Кондратьева, Жюгляра и кого-то там еще, а напоследок тожественно заверила, что долго ждать следующего кризиса не придется. Это обнадеживало.

Кузя как всегда оказалась права – ждать особо не пришлось, и очередной рыночный коллапс милостиво предоставил нам шанс сыграть с судьбой в рулетку. Нет, мы, конечно, не пошли в казино, как это сделали герои фильма «Беги, Лола, беги!», но в целом поступили очень похожим образом, вбухав все деньги в купленные по случаю чрезвычайно рискованные облигации.

Случилось так, что, покидая непредсказуемый российский рынок, перепуганные иностранные инвесторы пачками избавлялись от ценных бумаг, причем с очень большим дис-

контом. Мы воспользовались этим обстоятельством и поставили на кон все, что у нас имелось на тот момент, до последней копейки. Ясное дело, в случае неудачи мы бы остались с голым задом, что в кризисную пору равносильно самоубийству. Сумасбродное решение, но мы понимали, что другого пути к вожделенному дому у моря у нас нет.

Стоит заметить, что моя жена, обычно не склонная к авантюрам, крамольную идею заработать на экономическом спаде взяла не с потолка, а позаимствовала у своего бывшего руководителя. Собрав коллектив в тревожные дни предыдущего кризиса, основной акционер одного из крупнейших банков, потирая руки и сияя от возбуждения и азарта, напутствовал встревоженных менеджеров корпорации словами:

– Коллеги! Случился кризис. Время зарабатывать!

Много раз пересказав эту назидательную историю друзьям, Кузя в какой-то момент искренне прониклась ее смыслом и даже превратила в некую путеводную мантру, которую мы затем поочередно повторяли в дни сомнений. А таких дней было много – ждать развязки затеянной нами биржевой авантюры пришлось мучительно долго.

Не забуду, как я просыпался посреди ночи и воспаленное воображение тут же подкидывало одну развязку событий хуже другой. А еще я понял, что люди, постоянно играющие на бирже, либо совсем не имеют в мозгу нервных окончаний, либо ставят на кон далеко не последнее.

Как ни странно, сумасшедший план сработал и наш капитал невероятным образом утроился. Вот это удача! Что дальше?

3. «Американская военщина»

Признаюсь, весть о том, что проект из стадии мечтаний внезапно переходит в стадию реализации, вызвала у меня легкий ступор. Одно дело застольный треп с друзьями и сладкие грезы о светлом будущем и совсем другое дело – нешуточная волокита с покупкой взаправдашней зарубежной недвижимости. Ну какая же в этом нега?

Однако делать нечего, надо так надо, тем более, что, дав нам чудесную возможность быстрого заработка, кризис вместе с ветром финансовых перемен попутно, как водится, принес и панические настроения: «Либо сейчас, либо никогда!».

Надо сказать, что география поисков к этому моменту значительно сузилась, и в итоге длительных размышлений мы нацелились на Крит, уже видя себя в мечтах хозяевами райского уголка где-нибудь на северо-западном побережье, давно облюбованном нами для этой цели. Забегая вперед скажу, что этим мечтам было не суждено осуществиться – путь к счастью преградила американская военщина.

Помните этот газетный штамп, которым в советское время было принято клеймить заокеанских милитаристов? Вы удивитесь и спросите: какое отношение имеет Пентагон к нам с Кузей? Оказывается, самое прямое. Дело в том, что в те далекие времена, о которых я пишу, – прошу прощения за то, что этот оборот нескромно отдает Плутархом, – значительная часть греческих островов считалась приграничной зоной, где действовал особый режим регистрации сделок с недвижимостью.

По большому счету все эти предосторожности были полной фикцией и безразмерные греческие границы ни на какой замок не запирали, что позднее наглядно доказали десятки тысяч мигрантов, беспрепятственно высадившихся на пляжах Коса и Лесбоса.

Тем не менее, порядок есть порядок, и иностранцу, желающему поселиться на приграничной территории, сначала вменялось в обязанность подать специальное прошение в греческое Министерство внутренних дел. Срок рассмотрения такого прошения составлял около года, а то и более.

По этой причине сделка по покупке недвижимости для гражданина страны, не являющейся членом ЕС, выглядела следующим образом. Собственнику приходилось минимум на год снимать лот с торгов без какой-либо гарантии на то, что разрешение от министерства будет получено и сделка состоится.

В качестве компенсации за упущенную прибыль хозяин недвижимости требовал от покупателя внести безотзывный депозит, размер которого определялся путем переговоров и по нашему опыту в среднем варьировался от двадцати до пятидесяти тысяч евро – большие деньги, рисковать которыми совсем не хотелось. Но без этого драконовского условия ни один продавец категорически не шел на сделку.

Узнав о депозите, мы пригорюнились, но рук не опустили. А тут я, на беду, напал сразу на два предложения, достойных внимания. Сначала мне встретился весьма добротный построенный готовый дом в деревеньке Колимбари. Дом стоял на скале и одновременно обзревал как заснеженные шапки гор, так и бесконечные пляжи, тянущиеся аж до самой Ханьи – одного из красивейших городов Греции, что, несмотря на расстояние в двадцать пять километров был виден из панорамных окон как на ладони.

Надо сказать, что деревенька Колимбари была нам хорошо знакома – местные рыбные таверны считаются лучшими в округе, а одна из них запала в душу особенно глубоко. Стоит заметить, греки не дураки поесть. Мы с Кузей – тоже. Поэтому не удивляйтесь обилию гастрономических отступлений, тем более что еще Эпикур подметил, что «вкусная еда есть источник и первооснова всякого блага».

Считая себя заядлым гастротуристом, я по привычке беру на карандаш все заведения, где был прилично накормлен. Эти заметки сами собой выстраиваются в умозрительный хит-парад, которым я подсознательно руководствуюсь, столкнувшись с проблемой выбора значного места. Хотя в Греции такая проблема в общем-то не стоит. В то время как испанцы уверенно лидируют по числу баров на тысячу жителей, греки – чемпионы по числу ресторанов. Далеко не все из них достойны нашего внимания, но на некоторых я все же остановлюсь особо, а именно на уже упомянутой рыбной таверне в Колимбари.

После нескольких визитов в это заведение мы не только убедились в отменном качестве подаваемой рыбы, но и завязали приятельские отношения с местным шефом, а также с официантами, что, по нашему разумению, чрезвычайно важный момент в деле получения гарантированного удовольствия от трапезы.

Поощряя наши гастрономические изыскания, повар предлагал нам одно блюдо изысканнее другого, а оценив наши аппетиты, затеял шутливую игру, постоянно увеличивая размер порций. Дошло до того, что в какой-то момент рыбы на блюде было столько, что повару пришлось скрепить получившуюся пирамиду многочисленными зубочистками, дабы она не развалилась. Когда два официанта водрузили блюдо на стол, в таверне на минуту воцарилась мертвая тишина.

После некоторой паузы сидевшие за соседним столиком англичане попросили разрешения сфотографироваться с нами на фоне блюда. Мы любезно согласились. Как выяснилось позже, соседи разбились на два противоположных лагеря и принялись делать ставки на предмет того, осилит ли нашу рыбу или нет.

Когда нам ценой невероятных усилий – в основном моих – удалось полностью извести рыбную пирамиду, англичане испросили разрешения на повторную фотосессию, в ходе которой мы позировали с пустым блюдом.

Во время съемки пожилой благообразный джентльмен, кисло улыбаясь в объектив, шепнул мне на ухо:

– Из-за вас я проспорил приятелю пять фунтов. М-да, недооценил.

А мы пьяные, счастливые и весьма гордые собой, выйдя из таверны и придерживая раздувшиеся животы, навзничь упали на песок, чтобы беззаботно пялиться в критское небо в тщетной надежде увидеть на нем хоть одно пятнышко – летом облака в тех местах большая редкость.

Но не будем отклоняться от темы недвижимости. Итак, после того как неподалеку от любимой таверны мне подвернулся приличный дом, я всерьез решил, что это знак свыше. Однако, как известно, лучшее враг хорошего. Очень скоро мне встретилась еще одна недвижимость мечты – чрезвычайно привлекательный и совсем недорогой участок на самой западной оконечности острова между Киссамосом и Балосом – сорок соток, засаженных старыми оливами, террасами живописно спускались к морю.

Хозяин держал там позвякивающую колокольчиками многочисленную отару, что, несмотря на источаемый запах, в моих глазах только добавляло неги этому лоту. Кроме того, описанное мною волшебное место в придачу находилось на самом краю деревеньки с дивным названием «Трахилос», распалывшем мужское воображение.

* * *

Для того чтобы различать объекты недвижимости между собой, мы давали им имена. Очаровательный участок с отарой и продуктами ее жизнедеятельности мы, помнится, так и назвали – «Овечьи кашки». Эти сорок соток, утопающие в навозе и оливах, в итоге обошли в рейтинге дом в Колимбари и долгое время оставались безоговорочным лидером внутри-семейного тендера.

К этому моменту я уже успел осмотреть более ста объектов недвижимости и понимал, что в нашем ценовом диапазоне мы вряд ли найдем вариант лучше. В какой-то момент мне даже показалось, что, вторя знаменитому греку, я с полным правом могу воскликнуть: «Эврика!»

Тут я позволю себе небольшое отступление. Дело в том, что греческие власти уже который век подряд всячески отмахиваются от давно назревшей реформы языка, и орфографии в особенности, мотивируя это тем, что любые нововведения уведут современный новогреческий еще дальше от его древнегреческого предка и не позволят свободно воспринимать Софокла, Эсхила и, что немаловажно, новозаветные тексты.

Последнее опасение представляется мне совсем уж наивным, особенно в свете замечания пулицеровского лауреата Уистена Одена о том, что «мессу лучше всего слушать, не зная языка».

Между тем, по моему убеждению, языковая реформа грекам нужна позарез. Приведу лишь один пример. Только представьте: звук «и» в новогреческом записывается аж шестью разными способами! То есть правильно прочитать слово вы еще можете, а вот правильно написать – ни в жизни.

Как бы там ни было, а греческий народ уже давно приступил к самостоятельной модернизации родной речи. Так вышло, что в процессе языковой эволюции в известном каждому школьнику знакомом слове «эврика» отпала начальная гласная, дававшая ему трехсложную монументальность и торжественную певучесть. В итоге ставшее достоянием мировой поп-культуры восклицание Архимеда нынче усохло до невнятного «Ври́ка!»), что, на мой взгляд, звучит куда менее пафосно.

Но я отвлекся и напрочь позабыл про «американскую военщину». А дело было вот как. Еще только приступая к поискам участка на западе Крита, я перво-наперво обратился к осевшему в Киссамосе риелтору-англичанину. Тот поначалу вел себя крайне приветливо, но, узнав, что я из России, тут же *утратил* всякий интерес. У меня в голове уже тогда промелькнула мысль о том, что этому ушлому парню, похоже, было известно что-то такое, чего не знал я. Но что именно?

Шло время, я снова раз за разом возвращался на запад Крита – мой рабочий график мелкого хозяйчика позволял выкраивать время на поездки – и находил один участок краше другого, пока не наткнулся на те самые «Овечьи какашки». Фотографии густо удобренных террас, живописно спускающихся к самому морю, привели Кузю в восторг, вернее сказать, ягнячий восторг. Она срочно взяла несколько дней за свой счет и вылетела ко мне в Ханью.

Тем временем по рекомендации знакомого шотландца я нанял юриста – без его участия никакая сделка по купле-продаже недвижимости по местным законам невозможна.

Симпатичная уроженка Ханьи с английским дипломом и лондонским выговором – в то время я совсем не разумел по-гречески – произвела самое благоприятное впечатление. Мы ударили по рукам и приступили к подготовке пресловутого прошения в Министерство внутренних дел.

Услыхав про безотзывный депозит, Христиана – так звали юриста – прониклась нашими опасениями и даже пообещала, что постарается по своим каналам выяснить, какова статистика отказов на подобные прошения, поступившие от граждан России.

Прошло несколько дней. Жена воссоединилась со мной в Ханье, осмотрела «какашки» и, придя в полное умиление от увиденного, одобрила грядущую сделку. Окрыленные, мы отправились оформлять покупку.

Приняв традиционные дары – водку, матрешку и всякую мелочь, – Христиана принялась вводить нас в курс дела. И хотя ей очень хотелось заработать положенные за оформление четырехзначные комиссионные, добрая женщина не посчитала возможным скрыть от клиента результаты своего неофициального расследования.

Согласно полученной информации, несколько россиян годом ранее подали запрос на покупку недвижимости в районе Ханьи, рискнув ради этого немалыми деньгами. Как вы думаете, скольким из них посчастливилось получить положительный ответ? Ни-ко-му!

Всем без исключения просителям было отказано, причем без объяснения причин. Такая же печальная статистика касалась граждан Украины и других стран СНГ, в то время как некая американская семья, тоже проживавшая за пределами ЕС, легко получила заветное разрешение на покупку. Счастливчики американцы, к нашей зависти, поселились совсем недалеко от города, на полуострове Акроти́ри, уже давно превращенном толпой обосновавшихся там англичан в подобие британского анклава.

Вы спросите, а какого рожна мы так вцепились в эту Ханью? Но я же сказал, что северо-запад Крита, на наш вкус, самая красивая часть острова. А потом, не забывайте про нечеловеческое обаяние «Овечьих какашек». За них-то уж точно стоило побороться.

В общем, когда стало ясно, что «против лома нет приема», мы решили более не искушать судьбу. Судя по всему, причина стопроцентного отказа заключалась в целом букете натовских военных баз, по непонятной причине расположившихся близ кишачей туристами Ханьи: авиабаза, учебно-тренировочная ракетная база и база ВМС США. И хотя никакого официального документа, запрещающего гражданам СНГ селиться на западе Крита, мы не нашли, рискну предположить, что некий негласный стоп-лист, утвержденный НАТО, все же существовал, что в моих глазах не делает чести этой организации.

Заодно стала понятна причина внезапного охлаждения ко мне со стороны английского риелтора. По большому счету он был совершенно прав и, видимо, откуда-то прознал о запретительных мерах по отношению к выходцам из стран бывшего Советского Союза.

Стало понятно и горячее желание продавцов-критян заполучить депозит, гарантирующий авансовую оплату независимо от того, будет ли получено разрешение на сделку от Министерства внутренних дел или нет. Сообразительные селяне сразу смекнули, что благодаря бюрократическим порядкам у них появился реальный шанс срубить денегат по-быстрому, не утратив при этом права собственности. Вот ушлые местные продавцы и кинулись в объятия к россиянам с украинцами в поисках легкой наживы.

Немного жаль, конечно, что у нас тогда не получилось. Как я уже говорил, западная оконечность Крита невероятно хороша, и я знал, что буду скучать по этим местам.

Прощай, Фаласарна! Руины этого немыслимо древнего города подходят к самой воде, и многочисленные фрагменты античной керамики, тут и там картинно разбросанные по дну, непреодолимо манят дайверов и любителей археологии.

Прощай, Балос! Потрясающе красивый мыс с райской лагуной, еще, кажется, хранящей воспоминания о принце Чарльзе и Леди Ди, что беззаботно резвились здесь в свой медовый месяц, еще не ведая о печальных перипетиях, уготованных им судьбой.

Прощай, Элафониси! В моем относительно широком вокабуляре не найти нужных, слов, способных верно описать непередаваемую игру морской воды и солнечных лучей. В этой невероятной бухте природа наподобие сот выдолбила в известняковом дне множество ванн самых разных размеров и глубины, отчего море, словно гигантский хамелеон, ежесекундно переливается всеми мыслимыми оттенками аквамарина.

Прощай, таверна «Тамам»! Несмотря на невзрачный вид заведения, стоящего рядом со старой гаванью Ханьи, здесь подают потрясающие блюда. Мне будет не хватать улиток с розмарином, нежной, несмотря на дурную славу, акулятины, ягненка в йогурте и прочей отменной снеди.

Не стоит думать, что я с восторгом нахваливаю эти места только потому, что не видал ничего другого. К описываемому моменту мы уже больше десяти лет колесили по Греции, покорили около тридцати крупных островов, не считая всякой мелочовки, а Крит не единожды объехали вдоль и поперек. То есть нам вроде как было с чем сравнивать.

Слава богу, первая неудача не заставила нас опустить руки, а только разохотила еще больше. К слову, несколькими годами спустя ограничения на покупку недвижимости россиянами на Крите и других приграничных территориях были полностью сняты. Впрочем, нас с Кузей эта новость взволновать уже не могла, ведь к тому моменту мы по уши влюбились в Эпидавр. Но не будем забегать вперед.

4. Негодяй Филимонов

После критского фиаско мы задвинули идею островной жизни и приступили к осмотру континентальной части Греции, остановив наш выбор на Пелопоннесе. Почему именно там? А где же еще?

Во-первых, сам Страбон, как никто подкованный в географии, восторженно называл Пелопоннес «акрополем Эллады». Во-вторых, вы только послушайте, как описывает в своем дневнике природу полуострова автор «Волхва» и «Женщины французского лейтенанта» Джон Фаулз: «Я переживал невероятное возбуждение, как если бы произошло чудо. Я действительно никогда в жизни не видел ничего прекраснее открывшейся предо мною картины – сочетание сияющего голубого неба, яркого солнца, скал, пихт и моря. И каждый из перечисленных элементов в отдельности был настолько безупречен, что захватывало дух». Аппетитно, не правда ли? Но это еще не все. Страстный эллинофил Фаулз настолько превозносит виды Пелопоннеса, что называет их самым красивым пейзажем в мире и даже сравнивает с «обнаженной женщиной, открывающей через пейзаж все свои тайны!» О как! В общем, не знаю, как Кузя, а я воспринял последнюю метафору очень даже близко к сердцу, тем более что в греческом языке название полуострова, не поверите, имеет женский род – о, моя прекрасная Пелопоннес!

Короче говоря, изучать эту красотку мы начали с Нафплиона – очаровательного города, с фантазией и любовью отстроенного венецианцами. На мой взгляд, из всех городов Греции с Нафплионом по красоте может соперничать разве что Ханья да Керкира. Не случайно именно Нафплион стал первой столицей молодого государства сразу после освобождения от турецкого ига. И не случайно сюда в последние годы съезжаются все больше греческих дауншифтеров, уставших от суеты, духоты и перенаселенности Афин – самого некрасивого и депрессивного города страны, почти сплошь состоящего из мрачного, некрашеного бетона – ни дать ни взять «пятьдесят оттенков серого».

А тут еще так совпало, что мы впервые попали в Нафплион на Крещение и стали свидетелями того, как посетители таверны «Василис» в едином хмельном порыве полтора часа кряду хором распевали небесной красоты лирические песни под аккомпанемент заглянувших на огонек музыкантов. Ну как тут не влюбиться?

Впрочем, не обошлось и без некоторого разочарования. Клынув на исключительно высокий рейтинг, основанный на отзывах постояльцев, оставленных на *booking.com*, мы забронировали симпатичное на вид жилье. На деле же гостиница оказалась жуткой ночлежкой, хуже которой я в жизни не встречал: по лестнице, ведущей к чердачной комнате, было страшно идти – вот-вот развалится, – кровать оказалась грубо сколоченным топчаном с матрацем, по толщине сравнимым с простыней, а завтрак состоял из неспелого мандарина и чашки какой-то несъедобной бурды. Да и последний ремонт здесь проводился, похоже, еще при турках.

Вместо того чтобы переехать, мы, наслаждаясь городом и не желая тратить время на поиски альтернативного жилья, скрепя сердце остались. Была, однако, в том и практическая польза – с тех пор мы категорически не доверяем отзывам постояльцев.

Как выяснилось, люди оценивали не комфорт или его полное отсутствие, а выдающуюся харизму хозяина. Этот обаятельный пройдоха, что прилежно заучил имена президентов и знаменитостей, а также основные составы футбольных сборных всех стран Европы и мира, находил время пообщаться с каждым гостем, артистично рассказать пару смешных историй, признаться в большой любви к стране, из которой тот прибыл, и невероятным образом создать иллюзорное ощущение комфорта в условиях полного отсутствия такового. Оказалось, что такая бизнес-модель, как ни удивительно, успешно работает.

* * *

Как-то раз, гуляя по Нафплиону, мы заглянули в агентство по торговле недвижимостью, где впервые услышали про Эпидавр. Это название – к слову, тоже женского рода, как и Пелопоннес, – ровным счетом ничего не говорило моему русскому уху, в то время как местные произносили его с таким почтительным придыханием. Как выяснилось позже, для греков Эпидавр это что-то вроде Суздаля, Новгорода и Переславля-Залесского в одном флаконе. Отметив про себя, что надо будет обязательно посетить это место, мы на время про него забыли.

Эпидавр совершенно неожиданно вновь всплыл в разговоре с очередным риелтором по имени Брид, кажется, шотландкой. Обосновавшись в милейшем городке Толо близ Нафплиона, Брид, она же Бриджит, вместе с мужем-греком открыла свое агентство.

Первым делом спросив о бюджете, которым мы располагаем, и услышав ответ, Брид посмотрела на нас с искренним сожалением и сказала, что на квартирку мы рассчитывать еще можем, а вот на приличный дом – вряд ли, во всяком случае, не в красивом месте вроде Эпидавра. Опять этот загадочный Эпидавр?

К тому моменту я уже начал привыкать к отнюдь не джентльменской прямолинейности риелторов. К тому же в этой ремарке Брид, не больно-то тактичной по своей форме, по сути, не было ничего обидного. Шестым чувством поняв, что мы способны на большее, но из осторожности придерживаем коней, она попыталась нас раззадорить и, что самое смешное, ей это удалось. Мы признались, что теоретически готовы немного «приподняться». Брид расплылась в улыбке:

– Другой бюджет – другое дело. Будут деньги, будет и дом. Вот был у меня до вас клиент из России. Мистер Филимонов, не знаете такого?

– Не знаем, – ответили мы.

– Жаль. Солидный клиент. Водку привозил. Обалденную.

– Э-э... мы тоже в следующий раз захватим, – с готовностью пообещал я.

Брид одобритительно кивнула:

– Ну так вот, нашла я этому мистеру Филимонову шикарнейший дом. Только представьте, у этого парня теперь собственный спуск к воде. Отныне он, можно сказать, владелец частного пляжа.

– Ух ты! – выдохнули мы с Кузей, раскрыв рты. – А нам что-нибудь подобное подберете?

– Да я ради хорошего клиента в лепешку расшибусь. Но имейте в виду, такая недвижимость обойдется вам существенно дороже той суммы, которую вы мне назвали.

«Приподниматься» выше мы уже не могли – на то не было ни денег, ни желания. Мы договорились, что будем ждать от Брид предложений в рамках наших финансовых возможностей. На том и расстались. Из той памятной встречи мы вынесли целый ряд важных моментов. Во-первых, Брид снова упомянула Эпидавр, и мы еще раз пообещали себе съездить туда при первой же возможности. Во-вторых, категорично заявив, что этот самый Эпидавр абсолютно недостижим для нас, шотландка разожгла во мне и Кузе нешуточную спортивную злость. Уж не специально ли? В-третьих, Брид ввела в наш лексикон новое выражение. Отныне, завидев дом с собственным спуском к морю, мы с завистью говорили друг другу:

– Глянь-ка, не иначе как Филимонов.

Постепенно это имя стало нарицательным, и всех владельцев недоступной нам элитной недвижимости мы собирательно окрестили Филимоновыми. Со временем каждого из таких счастливиц, воплотивших в жизнь наши собственные мечты, – какая наглость! –

мы стали звать не просто Филимонов, а «негодяй Филимонов». Почему «негодяй»? Из классовой ненависти, наверное.

5. Встреча с Эпидавром

В силу обстоятельств в Грецию нам удалось вернуться лишь девять месяцев спустя. Мы снова отправились на Пелопоннес и в пику Брид решили остановиться непосредственно в Эпидавре. Во-первых, как я уже упоминал, шотландка здорово нас раззадорила, практически приравняв к голодранцам. Во-вторых, я загодя нашел в интернете очень симпатичную гостиницу, расположенную в дачном поселке, который вплотную примыкает к Эпидавру, и на фотографиях выглядевшую как преддверье рая – имеется в виду не столько обстановка номеров, к слову, весьма уютных, сколько потрясный вид с балкона.

Предупрежденные Брид, мы не особо рассчитывали найти что-то доступное нашему карману непосредственно в городке и потому договорились, что она покажет нам несколько объектов неподалеку.

Погуглив Эпидавр накануне поездки, я нашел информацию о том, что там располагается так называемый Асклепион – святилище бога врачевания Асклепия, греческого аналога древнеримского Эскулапа и что это волшебное место, по мнению древних греков, оказывало мощное терапевтическое воздействие особенно на людей с психологическими проблемами. Живо обсудив эту ошеломительную новость, мы решили, что уж кому-кому, а нам будет полезно посетить этот чудесный уголок в надежде привести в порядок мозги.

Окрыленный, я погуглил Эпидавр еще немного и наткнулся на цитату из Генри Миллера. Оказывается, автор «Тропика Рака» был в полном восторге от здешних мест и утверждал что «Эпидавр – это чаша, из которой пьешь чистый дух: в ней небесная синева, и звезды, и крылатые создания, которые кружат, распевая песни». Уж не знаю, что именно выпивал Миллер и в каком количестве, когда писал эти строки, но звучало все это невероятно поэтично. Остро почувствовав, что мне тоже срочно необходимо испить «чистого духа», я принялся отсчитывать часы до взлета.

* * *

От афинского аэропорта до места ехать было чуть меньше двух часов. Сразу за Коринфом скоростную автостраду сменила извилистая и чрезвычайно живописная дорога-двухрядка. Надо сказать, что после островов, за редким исключением представляющих собой благородные камни, кое-где покрытые кустарниками, буйная растительность Пелопоннеса местами кажется дождевым лесом.

Хроматически, на мой вкус, нет и не может быть ничего прекраснее зелени деревьев, растущих прямо из красно-бурых скал, и синевы волн, плещущих под ними. И хотя описанное мною сочетание цветов отчего-то смахивает на перевернутый флаг Азербайджана, будем считать это простым совпадением.

Любопытно, что на указателях, стоявших вдоль дороги, конечный пункт нашего путешествия по-гречески поочередно именовался то как Древний Эпидавр, то как Старый. Согласитесь, это не одно и то же. А на указателе, расположенном на круговой развязке при въезде с автотрассы, первая часть названия была столько раз перемалевана с «Древний» на «Старый» и обратно, что стала абсолютно нечитаемой. Такое ощущение, что жители ежедневно переименовывают свой город в зависимости от того, с какой ноги встают.

Заинтересовавшись странным феноменом, я неоднократно расспрашивал на этот счет эпидаврийцев – так древние историки называли обитателей города – но так и не получил вразумительного ответа. Примерно половина респондентов отвечала, что почетное название Архе́а Эпи́даврос, то есть Древний Эпидавр, по праву принадлежит удаленному от моря Асклепиону, где лежат в руинах посвященные Асклепию храмы, античные лечебницы, зна-

менитый амфитеатр и куда толпами свозят туристов. А современный городок, стоящий на берегу, следует называть Палья Эпидаврос или на худой конец Палеа Эпидаврос, то есть Старый Эпидавр, что для моего уха звучит куда менее почетно.

Другая половина опрошенных возражала и настаивала на том, что это Асклепион был филиалом древнего города-порта, погребенного под современными улицами, а не наоборот.

Что же касается грекоязычной википедии, то в статье про Эпидавр говорится о том, что существует тенденция: традиционное название Палеа Эпидаврос в последнее время уступает место названию Археа Эпидаврос, однако происходит это спонтанно, поскольку никаких административных решений на сей счет принято не было.

Короче говоря, впредь облюбованный нами городок я для удобства буду называть просто Эпидавром. К слову, когда по окончании стройки я начал получать почтовую корреспонденцию, то обратил внимание на то, что мой адрес опять-таки с одинаковой частотой указывался то как Древний Эпидавр, то как Старый. В последнем названии мне почему-то упорно чуются уничижительные нотки: старый это же вроде как поношенный или обветшалый, не так ли?

Кстати, совсем недалеко от Эпидавра находится городок под названием Новый Эпидавр. И хотя бухта, в которой он расположен, почти не уступает в красоте той, что приютила древнего тезку, особых восторгов этот новодел у меня не вызывает, равно как и у местных жителей, тысячелетиями предпочитавших селиться исключительно вблизи Асклепиона, видимо уповая на возможность в случае чего по-свойски обращаться к местным жрецам за неотложной медицинской помощью.

* * *

Гостиница *Angelica Villas*, где мы поселились, несмотря на демократичную цену, оказалась совершенно восхитительной. Слава богу, на этот раз заоблачный рейтинг *booking.com* оказался не дутым, а соответствовал действительности.

Прекрасные завтраки и живописные окрестности не обманули наших ожиданий, а вид из окна даже превзошел их. С вашего позволения, на завтраках остановлюсь подробнее.

Греческий йогурт с домашним медом и прочие вкусности надлежало потреблять под открытым небом. Столы с мраморными столешницами стояли возле кишашего пчелами дерева, которое хозяйка так и называла *bee tree*.

Специфический аромат, источаемый этим растением, сводил с ума не только пчел, но и меня. Усыпанное мелкими желтыми цветами дерево невероятно реалистично воспроизводило густой запах несвежих портянок, чем навевало нешуточную ностальгию по утраченной молодости, проведенной на службе в советской армии.

Что интересно, пчелы при всем их количестве в интерактивные сношения с гостями категорически не вступали. Совсем другое дело кошки, числом не сильно уступавшие пчелам, – иной раз, под столом их крутились десятка два, а то и три.

Этот кошачий зоопарк порядком забавлял нас с Кузей. Вы представляете себе, как выглядит эгейская кошка? В отличие от российских пород, у эгейской совсем другие стати. Она мельче, стройнее и имеет специфический окрас. Встретить в Греции одноцветную кошку большая редкость – эгейская порода обычно окрашена в два, а то и три цвета: по белому фону разбросаны черные, рыжие, серые и прочие пятна. И, конечно, очень характерна морда – почти правильный треугольник, на котором выделяются глаза миндалевидной формы, переливающиеся всеми оттенками зеленого.

* * *

Помнится, я сразу же обратил внимание на то, что все кошки были на одно лицо, в смысле морду. Тогда я не придавал этому обстоятельству особого значения. Масштаб демографической кошачьей катастрофы и ее причины выяснились много позже и, как оказалось, были делом рук – по правде говоря, руки тут ни при чем, это просто идиома – маньяка-одиночки, историю которого я обязательно расскажу.

Интересно, что среди имен, которые греки дают кошкам и собакам, нередко встретишь Зевса, Геракла, а также прочих богов и героев. В то время как мы с вами, прикоснувшись к греческой мифологии, патетически устремляем взгляд в небо, грек в аналогичной ситуации может запросто глядеть под стол на какую-нибудь там Геру, хрумкающую рыбные кости.

Помимо завтраков с кошками нас чрезвычайно впечатлили окрестности: от милой церквушки, стоящей прямо у воды в дальнем углу дикой бухты, до симпатичного городка, как бы смотрящего на два моря благодаря полуострову, разрезающему его на две неравные части.

На перешейке, в самом начале этого полуострова, который местные отчего-то называют «Ниси», то есть «остров», располагается уютный амфитеатр. В противовес *Большому* амфитеатру, тому, что стоит возле Асклепиона, здешний театр зовется *Малым*. Его мраморные скамьи смотрят прямо на лазурную гладь залива – редчайший случай для античных архитекторов, обычно упрятывавших подобные сооружения подальше от глаз, в глубину материка, видимо потакая меркантильным соображениям тогдашних антрепренеров, наперед знающих, что морские пираты вряд ли раскошелятся на входные билеты.

А еще меня, помнится, очень впечатлил погост опять-таки с видом на море, стоящий прямо на въезде в городок. Он был до того симпатичный, что я и сам бы с удовольствием забронировал местечко покомфортнее, если бы не ряд отягощающих обстоятельств.

Во-первых, неверующему на православное кладбище путь заказан. Во-вторых, процесс захоронения в Греции сильно смахивает на фильм ужасов. Можете верить, а можете нет, но по истечении трех лет останки выкапывают(!) и перекладывают в семейный склеп, а в могилу помещают следующего очередника. Вот такая добрая традиция. А теперь представьте, каково это получить мешок, громыхающий костями любимого человека! Впрочем, греки – люди с крепкими нервами, нам не чета.

В общем, подумал я, подумал и решил, что, когда придет время, я, вместо того чтобы отправиться на кладбище, предпочту развеяться. Например, над морем. Но и тут тоже не все так просто, поскольку, по настоянию Церкви, кремация в стране категорически запрещена. И куда в итоге податься бедному нехристу, совершенно непонятно.

Еще одной местной достопримечательностью вполне можно считать и хозяйку *Angelica Villas*, которую, как не трудно догадаться, зовут Ангеликой. Эта невероятно энергичная женщина тянет на себе огромный воз гостиничного и всякого другого хозяйства, в то время как ее муж, как и положено настоящему греку, по большей части проводит время за просмотром спортивных трансляций, полулежа на огромном кожаном диване перед телевизором, установленным в холле. Илиас невероятно страстный болельщик и смотрит все без разбору: бильярд, гольф, керлинг, чемпионаты по рыбной ловле нахлыстом и любые другие захватывающие состязания. Главное, чтобы там был победитель и проигравший.

Ангелика снисходительно смотрит на эту мужнину слабость, на что я не устаю указывать Кузе, разумеется, из дидактических соображений – моя жена, за редким исключением, практически не смотрит телевидение и всячески дает мне понять, что час, проведенный перед теликом, это час, выброшенный из жизни.

Справедливости ради стоит заметить, что я нынче тоже практически не смотрю телевидение, как таковое, зато с детства влюблен в кино и попросту не могу без него жить. Кузя категорически не понимает моей страсти и всячески над ней подтрунивает.

Однако же в те дни, когда начинаются трансляции турниров Большого шлема, все кардинально меняется. Забыв о лютой ненависти к ящику и отрешившись от происходящего вокруг, моя жена, словно загипнотизированный удавом кролик, способна четыре часа кряду пялиться в экран, наблюдая за скучнейшим матчем, лишь изредка и с большой неохотой отвлекаясь на удовлетворение базовых физиологических потребностей. Вот тут уж наступает мой черед исходить ядом издевательских комментариев, которые ей приходится безропотно сносить. А что вы хотели? Брак – это компромисс.

6. Инцидент с гусями

Почти сразу по приезде, едва осмотревшись, мы помчались на встречу с Брид, которая должна была показать нам кусок земли в деревеньке Колоні, минутах в двадцати езды от Эпидавра.

Участок, более чем аппетитно выглядевший на фото, в жизни оказался не менее живописным, если бы не одно маленькое «но» – в каких-то пятидесяти метрах от него обнаружилось небольшое поселение, сильно смахивающее на лагерь беженцев, состоящее из двух десятков убогих лачуг.

В ходе короткого допроса с пристрастием я вырвал у мужа Брид признание, что это цыганский табор. Вообще-то я большой поклонник цыганского пения и в юные годы с охапками цветов регулярно бегал на концерты неподражаемой Тани Филимоновой – не путать с упомянутым выше однофамильцем, заочно причисленным нами к «негодьям». Но одно дело – берушие за душу мелизмы и совсем другое – когда вплотную к твоему дому подступают обшарпанные хибары, густонаселенные людьми – как бы это помягче – без определенного рода занятий.

– А что же вы не предупредили нас об этом поселении заранее? – строго спросил я у Брид.

– А что тут такого? – изображая непонимание, переспросила шотландка. – Они же вроде как кочевники, разве не так?

– И что с того?

– Значит, рано или поздно перекочуют в другое место. Это лишь вопрос времени.

– Вы в этом уверены? – усомнился я.

– Абсолютно.

– И когда это случится?

Брид с очаровательной улыбкой пожала плечами:

– Я же не Дельфийский оракул. Но вы зря беспокоитесь, это отличное место. А главное, оно *вам* по деньгам. Так что погуляйте по окрестностям, оцените все «за» и «против» и после перезвоните. А сейчас, извините, нам пора возвращаться – в Толо ждет важный клиент.

Мне даже почудилось, что Брид сделала ударение на слово «важный», как бы невзначай намекая, чтобы мы не забывали о ее крылатой фразе, сказанной во время первой встречи: «Другой бюджет – другое дело». Судя по всему, в Толо шотландку уже ждал очередной «негодяй Филимонов».

Прислушавшись к совету, мы решили погулять по округе и подумать, ведь у участка был и существенный плюс: он почти вплотную подходил к берегу моря и при этом располагался на холме, что обеспечивало отличный обзор и панорамный вид на залив.

Побродив по окрестностям, мы так и не приняли никакого решения. С одной стороны, наверное, здорово каждый божий день засыпать под разудалую цыганочку, а с другой стороны, признаюсь, на душе было неспокойно. И, как оказалось, не зря.

Закончив обход, мы вернулись к машине, которую оставили рядом с табором. Тут выяснилось, что путь к автомобилю отрезала стая гусей. Зная о том, что гусь территориальное животное и к тому же совершенно бесстрашное – по телевидению как-то показали сюжет, в котором гусь прогнал со своей земли льва, – я подобрал хворостину и пошел в решительное наступление.

Гусей моя хворостина, похоже, совсем не смутила, зато она очень не понравилась обитателям табора. Словно из-под земли передо мною выросли четверо крепких мужичков, а один из них держал в руке увесистую палку, против которой моя хворостина смотрелась

былинкой. Взвесив шансы, я предложил жене обойти препятствие окольным путем. По счастью, покинуть цыганскую деревню удалось живыми и невредимыми.

По дороге в Эпидавр я позвонил Брид и с легким сердцем отказался от участка, а в мыслях и от дальнейших услуг шотландки. Мы снова оказались в исходной точке.

7. Мария Каллас и арифметика по-гречески

К нашей радости, в Эпидавре нашлось свое собственное агентство недвижимости. Его хозяйка – крупногабаритная гречанка по имени Анастасия оказалась членом *ККЕ* – компартии Греции и убежденной коммунисткой, какими бывают только люди, не испытывавшие на собственной шкуре всех прелестей жизни в государстве рабочих и крестьян. Из общения с местными у меня вообще сложилось впечатление, что марксизм-ленинизм пустил в Греции глубокие корни. Особенно ленинизм. Не зря же дружескую попойку, происходящую не в таверне, а у кого-то дома, греки до сих пор в шутку заговорщицки называют иностранным словом «йафка». Ничего не напоминает?

В общем, пришлось в срочном порядке провести краткую политинформацию. Анастасия, которую я в шутку прозвал «красным риелтором», *слушала* со слезами на глазах, от ужаса прикрывая руками рот. А я всего лишь честно рассказал о реальной системе распределения благ в СССР, социальных привилегиях для рядовых тружеников и прочих вещах, о которых она, усилиями советской и панкоммунистической пропаганды, имела весьма утопическое представление.

На корню разрушив все то, во что прежде верила наивная гречанка, я принялся расспрашивать Анастасию про местную недвижимость. К моему удивлению, несмотря на обилие толстых папок на стеллажах, обстановкой «красный риелтор» совершенно не владела. Я отнес это на счет ее коммунистических идеалов и извечной левацкой забавы разводить бумажную волокиту, вместо того чтобы делать дело. Тем не менее мы обменялись контактами и договорились созвониться в случае новостей.

* * *

Наслаждаясь пешими прогулками и купанием на пустынном пляже, но не забывая при этом о цели нашего приезда, мы как-то наудачу спросили хозяйку гостиницы, не продает ли кто-то дом или участок неподалеку.

Как я уже тогда смекнул, греки считают зазорным вывешивать таблички с надписью *ΠΩΛΕΙΤΑΙ*, что значит «Продается», а потому единственный путь добыть достоверную информацию – это опрос местных жителей. Ответ Ангелики прозвучал многообещающе:

– Мы с мужем в свое время построили и продали четыре дома. Один из них снова выставлен на продажу.

– А где он находится?

– Чуть выше гостиницы, вверх по склону.

А ведь мы там уже прогуливались, восторгаясь видом, открывающимся из небольшого кондоминиума. Неужели одна из вилл продается? Отчего мы так разволновались? Тому были свои причины. К этому моменту мы уже понимали, что купить отдельный участок нам не по силам. Дело в том, что, согласно местным порядкам, купив землю в городе или поселке, вы вправе использовать под строительство почти всю имеющуюся площадь. Но проблема в том, что так приглянувшаяся нам бухта стояла на отшибе, а по греческим законам строиться за пределами городской черты разрешено только при условии, что площадь участка не меньше сорока соток. Однако стоимость таких участков оказалось для нас совершенно непосильной. И этому тоже есть свое объяснение.

Как выяснилось, Эпидавр – весьма популярное у греков место отдыха творческой элиты. Что-то вроде Переделкина, только не сегодняшнего, а в советские годы. Родоначальницами моды на здешние дачи одновременно стали две самые известные гречанки в мире – оперная дива Мария Каллас и звезда экрана Мелина Меркури, каждая на свой лад.

Дело в том, что в Большом амфитеатре Эпидавра ежегодно проходит международный театральный фестиваль, репертуар которого поначалу состоял исключительно из классической греческой драмы. Однако с появлением в Греции оперной суперзвезды руководство фестиваля приняло решение о расширении жанровой палитры, и в самом начале шестидесятых Каллас спела тут в «Норме» Беллини, ознаменовав начало новой эры как в истории амфитеатра, так и в истории фестиваля. Затем Каллас спела в Эпидавре «Медею» Керубини, о чем наглядно свидетельствует доставшаяся мне по случаю почтовая марка, выпущенная в честь этого события.

Местные жители показывали нам дом, спрятавшийся за густой стеной сосен, где легендарная Каллас, про которую восторженные современники говорили «четыре голоса в одном горле», ежегодно отдыхала от сценических трудов. А меню одной из портовых таверн до сих пор украшает цитата, в которой дива признается в любви к Эпидавру и говорит, что это самое красивое место на земле.

Надо признать, Каллас очень много сделала для фестиваля – она дала ему статус. Чуть позже эстафету подхватила другая всемирно известная греческая актриса, звезда киноленты «Никогда по воскресеньям» Мелина Меркури – в конце семидесятых она сыграла тут в «Орестее».

По окончании актерской карьеры Меркури, став министром культуры, построила в Эпидавре дачу – скромных размеров домик у самой воды. В последующем практически все министры культуры Греции посчитали своим долгом отстроиться не где-нибудь, а в сердце всемирного театрального фестиваля, закрепив модный тренд.

После Каллас и Меркури целая куча звезд почли за честь выступить на местной сцене: Монсеррат Кабалье, Хосе Каррерас, Рудольф Нуриев, Изабелла Росселини, Хелен Миррен и многие, многие другие. К сожалению, по мере роста популярности эпидаврского фестиваля росла и стоимость недвижимости.

Кроме того, еще одной причиной высокой цены на землю стала непомерная жадность ее собственников. Я уже говорил о том, что для постройки дома за пределами городской черты необходим участок в сорок соток. При этом разрешенная площадь основания не превышает ста квадратных метров, а этажей в доме может быть не более двух. Но это по закону. Греческие девелоперы вместо одного дома общей площадью двести метров по обыкновению втыкают целых четыре дома аналогичной или даже большей площади, зарабатывая на последующей продаже вчетверо больше положенного.

Самое обидное, что проблемы с законом в итоге случаются не у прохиндея-девелопера, а у неосмотрительного покупателя, который, как правило, об этом до поры до времени не догадывается. Но беда в том, что в заповедных местах вроде Эпидавра практически вся предлагаемая недвижимость заведомо строится с такими нарушениями, и ничего поделать с этим нельзя. Вот и получается, что, продавая землю девелоперу, а заодно и любому другому, хозяин подспудно ориентируется на максимально возможную прибыль, какую теоретически возможно извлечь из его участка, если многократно наплевать на законы. Таким образом, обуреваемый жадностью продавец назначает цену, более или менее соответствующую не одному участку, а четырем. Вот такая арифметика по-гречески.

Однако, несмотря на строительный беспредел, мы все же решили осмотреть выставленный на продажу дом. А вдруг повезет? Вдруг окажется недорого?

8. Любовь с первого взгляда

В отсутствие хозяина недвижимость нам показывала Ангелика – у нее имелся запасной ключ. Это действительно оказался тот самый кондо, который мы разглядывали накануне. Четыре дома в ряд стояли немногим выше гостиницы, ровно настолько, чтобы она не портила вид. А вид с балконов открывался просто фантастический. Он был похож на вид из гостиницы, только еще лучше.

У меня перехватило дыхание. Взгляду, двигающемуся слева направо, сначала предстала лесистая гора, потом собственно городок, затем полуостров и, наконец, Саронический залив с дюжиной разбросанных по нему островов, самыми крупными из которых были Эгина и Саламин.

Саламин? Мой бог! Это же здесь Фемистокл, решив исход всей войны, наголову разбил флот Ксеркса в знаменитом сражении, по свежим следам описанном самим Эсхилом, между прочим, участником той битвы. Перед глазами невесть откуда всплыла чудом сохранившаяся в памяти цветная иллюстрация из школьного учебника, изображающая эпохальную победу греков.

Пока я приходил в себя после ландшафтно-исторического шока, мой взгляд все скользил по заливу вправо, где потрясающую панораму продолжил величественный полуостров Мётана, с незапамятных времен служивший финикийцам военно-морской базой, а финальной точкой стала высоченная гора, замыкающая бухту. Вау!

Затем мы вернулись в гостиную. Помню, как, не в силах оторваться от пейзажа, я подумал, что отныне хочу быть, как «старик и море». Ну, тот, что у Хемингуэя, помните? Не сейчас, конечно, а когда состарюсь. И без лодки, а то меня смертельно укачивает даже в полный штиль. А в остальном хочу того же – чтоб был только я, вот это огромное окно и бесконечная синева за ним. Разумеется, придется включить в список и Кузю, но с условием, что она не станет перекрывать собою вид.

Я взглянул на жену. Стоя с открытым ртом, она, похоже, думала примерно о том же, застрыв где-то на середине панорамы.

– И сколько же стоит это чудо? – затаив дыхание, спросил я.

Потрясенные как видом, так и объявленной Ангеликой ценой, как минимум вдвое превосходившей наши возможности, ни дому, ни качеству его постройки мы тогда особого внимания не уделили.

Да, по правде говоря, мы и не знали, на что нужно смотреть. Кроме квартиры у нас отродясь не водилось за душой иной недвижимости, не считая кузиноного приданого в виде крохотной дачки, построенной ее родителями в одном из самых некрасивых уголков Подмосковья прямо на затопленном торфянике, за что жена ласково звала фамильную собственность «шесть соток на болоте». Помнится, в час нужды мы с трудом всучили ту развалюху по цене сильно подержанной шубы какому-то сумасшедшему энтузиасту осушения родных недр.

– Не хочешь посмотреть участки на противоположном от Нафплиона берегу залива? – спросил я после того, как мы вернулись в гостиницу и с бутылкой вина устроились на балконе.

– Знаешь, я больше ничего не хочу смотреть, – помолчав, сказала Кузя. – Я нашла все, что искала. А ты?

Я оглянулся вокруг, еще раз обвел взглядом фантастический вид на залив и понял, что моя жена абсолютно права. Сколько ни продолжай поиски, а красивее места мы все равно не найдем. Да и дело не в одной только красоте.

Как понять, что наткнулся на *то самое* место? Как отличить его от других? Очень просто. Точно так же, как отличаешь ото всех остальных женщину, в которую влюбился. Она единственная вызывает негу.

Вечером того же дня, сидя в таверне, на импровизированном военном совете мы постановили во что бы то ни стало побороться за Эпидавр, хотя по всему выходило что шапка была не по Сеньке. Почему мы не отступились? А вам знакомо выражение «закусить удила»? Именно это мы с Кузей и сделали, поскольку нам обоим до смерти захотелось стать частью этого райского места.

Опустошив пару графинов розового, мы решили, что ляжем костью, но своего добьемся. Тогда мы еще не знали, сколь долгой и изнурительной окажется эта битва.

* * *

Вскоре нам посчастливилось найти еще одного грека, подвизавшегося на купле-продаже недвижимости. В отличие от «красного риелтора» он оказался куда более разбитным и даже показал нам целых три выставленных на продажу дома, не числящихся ни в одной базе данных. Как я уже говорил, у меня сложилось стойкое ощущение, что греки отчего-то стесняются самого факта, что приходится торговать родовой собственностью.

Эти дома, хотя и были по-своему интересны, тем не менее нам не подошли, поскольку либо были слишком малы, либо могли использоваться исключительно летом. Мы же решили, что дача должна быть приспособлена к круглогодичному проживанию и вмещать не только нас двоих, но и какое-то количество гостей. Да и цена, несмотря на вышеуказанные недостатки, казалась неподъемной.

Незадолго до нашего возвращения в Москву, когда мы уже потеряли всякую надежду, позвонила Анастасия и радостным голосом сообщила, что у нее для нас сюрприз – потрясающий дом, какие попадают на торги далеко не каждый год. Мы сочли это заявление грубой рекламой, но, как выяснилось позже, ошиблись. Однако все по порядку.

Как оказалось, речь шла о неухоженном с виду и небольшом по размеру доме при весьма обширном участке. Хозяйка, муж которой недавно умер, собралась съехаться с дочерью, живущей в Афинах, и только что выставила собственность на торги, да еще и в нашей бюджетной категории.

Уже первый беглый осмотр показал, что дом был построен из соплей и еще одного традиционно сопутствующего им ингредиента, столь же нетехнологичного. Но зато какой там был участок! Мама дорогая! Тридцать три сотки, засаженные оливковыми и цитрусовыми деревьями, тянулись с холма прямоком к берегу моря. Мало того, от дома, петляя между оливами, почти до самой кромки воды шла частная тропинка!

Чарующая мысль почувствовать себя «негодяями Филимоновыми» привела нас в неопикуемый восторг. Да и стоимость казалась не столь астрономической по сравнению с остальными предложениями.

Сразу оговорюсь, цена была не то чтобы бросовой, а *относительно* доступной – нам все равно пришлось бы взять в банке ипотечный заем солидных размеров. Но в конце концов, переплывая бурную реку, вы же обычно выбираете себе ориентир несколько выше по течению, имея в виду, что вас неизбежно снесет, разве нет? Вот так и при покупке недвижимости.

Поскольку качество постройки было ниже всякой критики, мы подумали, что проще снести дом и построить новый, более просторный и надежный. Однако приглашенный для консультации специалист огорошил нас известием о том, что по закону мы не можем это сделать. Из-за того что дом и участок старые, а законы с тех пор изменились, площади в тридцать три сотки для строительства дома нынче недостаточно. Поэтому все, что нам поз-

волено, это постепенно перебрать строение стенка за стенкой, не выходя за имеющиеся размеры.

Такой оборот нас сильно озадачил, но дал моральное право еще раз поторговаться с хозяйкой. В итоге нам удалось еще чуть-чуть приблизить мираж греческого счастья, выторговав приличную скидку. С этими цифрами уже можно было идти в банк, имея хорошие шансы на благоприятный исход переговоров.

9. Корочка на пироге

Сразу по приезде домой мы бросились собирать пакет документов, необходимый для получения банковского кредита. Буквально двумя неделями позднее, когда бумажная волокита находилась в самом разгаре, мне позвонила «красный риелтор» и сообщила, что цена, о которой мы договорились, более не устраивает хозяйку дома и что та дезавуировала выторгованную нами скидку.

Как выяснилось, отказ от достигнутых финансовых договоренностей для греков обычное дело. От этого, кстати, в свое время пострадал Генрих Шлиман. Хозяин холма, под которым скрывался ныне знаменитый на весь мир Кносский дворец, поначалу согласился на предложенную цену, но позднее прямо накануне сделки решил снова поднять стоимость. Будучи профессиональным коммерсантом, Шлиман не смог стерпеть такого вероломства и отказался от покупки, что позднее дало шанс более сговорчивому Эвансу, к слову, в отличие от немца совсем не искушенному в торговых делах, втридорога купить перспективный участок и стать первооткрывателем крито-минойского чуда. От аналогичного вероломства позднее пострадал и наш друг, также пытавшийся купить дом в Эпидавре, но всему свое время.

Кстати, у англичан на этот счет есть очень меткая поговорка: *promises are like pie crust, they are made to be broken*. Речь о том, что обещания как корочка на пироге – хочешь не хочешь, а ее целостность приходится нарушать. Не знаю, как насчет Англии, а подход к финансовым договоренностям в Греции эта поговорка отражает довольно точно.

Вернувшись к первоначальной отметке цена дома снова стала для нас непосильной. А тут еще грянула очередная волна кризиса, продажи недвижимости встали, и мы подумали, что если не пойдем на поводу у продавца, то, скорее всего, по весне сможем приобрести дом по более выгодной цене.

Это было трагической ошибкой. Уже через пару дней тридцать три сотки с оливами и собственной тропинкой к морю купил некий афинский инженер и, начав на законы, снес угловое строение к чертовой матери, а на его месте возвел шикарную современную виллу.

О, если бы мы только знали, что проблему можно было решить так просто! Как же я клял собственную законопослушность! Как выяснилось, это весьма вредная черта, если живешь не в какой-нибудь там Германии или Швейцарии, а, к примеру, южнее или восточнее.

Как бы там ни было, а ничего подобного тому участку по соотношению цена-качество нам ни до, ни после этого случая даже близко не попало. Мы еще года два продолжили упираться в ожидании подобного везения, но в итоге стало ясно, что два раза подряд в одни руки удача не выпадает и что за более скоромную недвижимость нам придется заплатить много дороже.

Понадобилось немало времени, прежде чем я смог смириться с неудачей, но делать было нечего. Народная мудрость «кто смел, тот и съел» получила самое что ни на есть наглядное подтверждение, а мы дали себе слово, что впредь будем думать и действовать быстрее.

* * *

Тот неудачный в смысле поисков жилья год оказался для меня весьма знаменательным. Сразу после фиаско с эпидавским домом я взялся писать первую книгу. Как всегда движителем выступила Кузя. Будучи большой поклонницей детективов, она в какой-то момент принялась ныть:

– Столько книг кругом, а почитать нечего: одни и те же авторы, одни и те же сюжеты. Скукота. А может, *ты* что-нибудь напишешь? У тебя же в записной книжке, помнится, был какой-то детективный сценарий. Не хочешь сделать из него книжку?

И это нытье длилось довольно долго. Вы, кстати, когда-нибудь сталкивались с тем, что психологи называют эмоциональным насилием? Нет? Значит, вам крупно повезло. Так вот, по мнению ученых, в отличие от физического насилия, к которому более склонны мужчины, эмоциональное насилие – удел женщин. И я готов подписаться под каждой буквой этого тезиса, ибо Кузя – законченный эмоциональный насильник. Не стану вдаваться в подробности, просто поверьте мне на слово.

Короче, в какой-то момент я дал слабину:

– Книжку, говоришь?

– Ну да. Детектив. Представляешь, как мне будет приятно?

– Пойми, сценарий это одно, а книга – совсем другое.

– А ты попробуй, – не отставала от меня Кузя. – И потом, ты ведь уже проделал кучу работы, и эта куча почему зря пылится в столе.

– Послушай...

– Нет, это ты меня послушай. Ты целыми днями пишешь кучу заказной фигни, а родной жене, значит, сделать приятное не хочешь?

Это был классический удар ниже пояса – техника, которой моя прекрасная половина за годы нашего брака овладела прямо-таки блестяще. Хорошенько поразмыслив, я перестал упираться и решил, что и приятное жене не худо бы сделать, да и неприятный сценарий, о котором она вспомнила, по свежему прочтению показался мне вполне стоящей вещью. Почему бы и нет?

И вот в свободное от основной работы время – мое агентство занималось организацией корпоративных событий – я без отрыва от производства уселся за письменный стол и приступил к первой главе.

Надо сказать, изложенная в сценарии идея практически не претерпела изменений. Я даже не стал менять рабочее название *Ave, Caesar!* а только добавил к нему небольшое пояснение в виде подзаголовка.

Мне нравился прописанный в сценарии образ этакого парня с прибабахом – чудаковатого археолога, преподавателя университетской кафедры древней истории, который машинально отыскивает в далеком прошлом параллели любым событиям, разворачивающимся вокруг него: будь то кафедральные интриги, личная жизнь или практикумы со студентами.

Но страсть к истории не единственная «фишка» главного героя. В результате несчастного случая мой археолог приобретает невероятный дар – взяв в руки любую вещь и особым образом сосредоточившись, он способен видеть, слышать и чувствовать то, что видели, слышали и чувствовали люди, прикасавшиеся к этому предмету в прошлом.

Только представьте, какой это подарок для историка! А уж какой это простор для фантазии автора! В какой-то момент приходилось бить себя по рукам, дабы не переборщить с чертовщинкой, которой по большому счету в сценарии было совсем немного.

В общем, Кузя как всегда оказалась права, грех было не конвертировать эту изначально телевизионную историю в книгу. А вдруг издатели окажутся более сговорчивыми, чем киношники?

10. Однажды в Гаване

Взялся ли я писать только для того, чтобы потрафить жене? Боюсь, для ответа на этот вопрос мне понадобится очередное отступление. Начнем с того, что я всю сознательную жизнь пишу всякие там стишки да песенки. Класса этак с девятого. Последнее время, правда, эта преимущественно любовная лирика, видимо, в силу возраста пишется все реже, но тем не менее все-таки пишется.

Но одно дело стихи и совсем другое дело проза. Да и для молодого писателя я, прямо скажем, не так уж молод. Хотя как посмотреть. Даниэлю Дефо, например, уже стукнуло пятьдесят девять, когда он опубликовал свой первый роман, под названием «Робинзон Крузо». Неплохой дебют, согласитесь.

Не скрою, еще одним стимулом к началу литературной карьеры послужила наша идея фикс насчет покупки греческого дома. Ведь для того, чтобы жить посреди этой опьяняющей красоты – именно жить, а не изредка посещать в короткий отпускной сезон, – нужны средства. Другими словами, я всерьез задумался об удаленной работе, способной в перспективе обеспечить существование независимо от того, где ты находишься. Разумеется, я понимал, что шансы на успех невелики, ведь заработать на книгах может только популярный автор, но тем не менее решил попытать счастье.

Кроме того, в силу определенных обстоятельств я не мог рано или поздно не попробовать себя в роли писателя. Каких еще таких обстоятельств? Помните, я упоминал судьбоносное знакомство на туристической выставке, которое в итоге привело нас в Грецию? Были в моей жизни и другие встречи, окольной дорожкой приведшие меня к тому, чем я теперь занимаюсь.

Вы когда-нибудь заглядывали в микроскоп? Помню, я в детстве часами пялился в окуляр, изучая строение собственных волос или подглядывая за половой жизнью инфузорий. Родители как-то на день рождения подарили мне немецкий набор «Юный оптик», на основе которого можно было собрать либо подзорную трубу, либо микроскоп. Вдоволь наглядевшись на небо, я занялся микромиром.

Помню, как часами наблюдал за завораживающей картиной – мириады крохотных частиц, никогда не стоящих на месте, сталкиваясь между собой бесчисленное количество раз, сходились и снова разлетались в разные стороны, наглядно иллюстрируя упорядоченный хаос вселенной. Позже я узнал, что речь шла о так называемом броуновском движении. С годами я стал догадываться, что человеческая жизнь по сути то же самое броуновское движение. И наши траектории изменяются не сами по себе, а в результате столкновения с другими людьми, которые, в свою очередь, столкнувшись с нами, тоже меняют курс.

Дело было в Гаване, куда я в начале восьмидесятых был направлен в качестве переводчика. Мой тогдашний приятель Хосе Родригес Фео или попросту Пеле, с которым мы подружился, несмотря на почти сорокалетнюю разницу в возрасте, пригласил меня выпить кофе в заведении рядом с кинотеатром «Ла-Рампа». Оказалось, что Пеле не один, а с товарищем.

Незнакомец, которого безупречно воспитанный Пеле отчего-то не представил, – только озорно блеснул глазами – смешно грассировал и вообще говорил по-испански с забавным французским акцентом. Но при этом очень скоро стало ясно, что я с моим испанским – в ту пору недурным – ему и в подметки не гожусь. Незнакомец говорил медленно, казалось, с трудом подбирая слова, но зато каждое произнесенное им слово было очень точным, ярким и образным. «Надо же, шарашит как на родном, – подумал я. – И как шарашит, зараза!»

Помимо великолепного владения испанским, незнакомец оказался еще и весьма начитанным: сначала они с Пеле обсудили книгу Набокова, а затем перекинулись на Мелвилла, причем собеседник Пеле был с ним на равных. А быть на равных с колоссально эрудирован-

ным Пеле очень непросто, особенно если обсуждаешь Мелвилла. Начнем с того, что американская литература – его специализация. Будучи выходцем из семьи аристократов, Пеле, между прочим, изучал эту самую литературу не где-нибудь, а в Гарварде. К тому же Пеле написал монографию о Мелвилле и заслуженно слыл знатоком его творчества. Кроме того, он был прекрасным писателем, блестящим журналистом и весьма известным на Кубе издателем.

Это обстоятельство, однако, совсем не смутило незнакомца. Он не только не оробел в обществе маститого Пеле, но и самым наглым образом доминировал в разговоре. Каков нахал! Да что он себе позволяет, этот французишка? Помню, я в тот момент так и прозвал его про себя – *El franchute*.

Разговор с американской литературы постепенно перекинулся на аргентинскую. О, это мой шанс показать себя! Ну кто, скажите на милость, владеет темой лучше меня? Разве что Пеле, у которого и на этот счет имелся соответствующий диплом еще одного престижного университета. Но и мы, как говорится, не лыком шиты. А тут незнакомец и вовсе меня разозлил, отпустив нелестный комментарий в сторону Борхеса – одного из моих литературных кумиров. Такого стерпеть я не мог.

Надо сказать, что, как и положено юнцу, я в ту пору сильно переоценивал собственную эрудицию, коэффициент интеллекта и прочие качества. Как справедливо подметил Дарвин: «Невежество чаще рождает уверенность, нежели знание», а самоуверенности у молодого меня было не занимать. Любопытно, что, чуточку помудрев с годами, я пал классической жертвой так называемого эффекта Даннинга-Крюгера – это когда рост компетенции обратно пропорционален уверенности в себе, своих знаниях и силах.

К слову, эту странную закономерность подметили еще древние греки – вспомните Сократа и его «я знаю, что ничего не знаю». Впрочем, мудрость, если и снисходит на нас, то с большим опозданием, а тогда я, преисполненный молодецкого задора, с пылом кинулся доказывать французскому выскочке, как сильно он заблуждается насчет Борхеса.

Обладая в ту пору неплохой памятью, нынче почти полностью утраченной, я был способен слово в слово цитировать полюбившиеся мне места, а некоторые из рассказов знал практически наизусть.

Короче говоря, я с апломбом принялся декламировать любимые фрагменты из «Алефа» и «Вымышленных историй», тщетно взывая к литературной совести оппонента.

Куда там. Без особого интереса послушав мои разглагольствования, французишка спросил:

- А что, кроме Борхеса ты больше никого не читаешь?
- Почему же? Читаю, конечно.
- Ну и кого?
- Например, Сабата. А еще Кортасара.
- Это уже лучше. И что скажешь?

К моему стыду, в то время я еще не читал блистательную «Игру в классики», но был неплохо знаком с рассказами того же автора, многие из которых в моих глазах ничем не уступали борхесовским, о чем я и не преминул высокопарно заявить, попутно процитировав пару любимых мест. Так вышло, что в институтские годы я, по счастью, приобрел в букинистическом магазине на улице Качалова выпущенный в Буэнос-Айресе сборник новелл Кортасара, который зачитал до дыр.

Судя по выражению лица французишки, слушать дифирамбы в адрес Кортасара ему было куда приятнее, нежели про таланты Борхеса.

Войдя в раж и корча из себя заправского критика, я с умным видом принялся нести псевдоученный вздор насчет места Кортасара в латиноамериканской культуре и мировой литературе.

В разговор, давясь от смеха, – с чего бы это? – вступил Пеле:

– Начитанный парнишка, правда?

– Это я оценил, – улыбнувшись, сказал французишка, похлопал меня по плечу и спешно засобирался, сославшись на то, что состоит членом в каком-то фестивальном жюри, заседание которого вот-вот начнется. Уже через минуту-другую он покинул кафе.

– Артурито, признайся, ты ведь придурился, верно? – справившись с душившим его смехом, спросил Пеле. – Ты же не мог его не узнать?

– Кого?

Пеле откинулся на спинку стула и, запрокинув голову, затрясся от хохота. Лишь в это мгновение я с ужасом осознал, что, как полный кретин, вместо того чтобы почтено внимать одному из самых крупных интеллектуалов двадцатого века, я, надув щеки и практически не давая собеседнику раскрыть рта, рассказывал, что я думаю о Кортасаре самому Кортасару. Ну не козел ли?

Вы спросите, какого черта этот Пеле тратил свое драгоценное время на столь неблагодарный объект воспитания, как я? Не знаю. Мне кажется, у него был комплекс Пигмалиона и так и нереализованное желание передать мне часть своих бездонных знаний. А еще, думаю, Пеле подкупала моя искренняя, граничащая с сумасшествием любовь к латиноамериканской литературе. Именно поэтому он с упорством, достойным лучшего применения, щедро знакомил меня с моими кумирами, волею судеб приходившимися ему близкими друзьями или просто добрыми знакомыми – Гарсиа Маркесом, Варгасом Льосой, Отеро Сильвой и прочими столпами магического реализма и величайшими творцами своего времени.

И хотя эффект от тех незабываемых встреч оказался обратным – познакомившись с гением, раз и навсегда осознаешь собственную мелкотравчатость, – семена, которыми так настойчиво засеивал мою метущуюся душу Пеле, несмотря на скудную почву и затяжную гибернацию, в конце концов каким-то чудом дали запоздалые всходы.

Надо сказать, что после того случая в кафе Пеле, памятуя о моей несообразительности, всякий раз предусмотрительно предупреждал о том, с кем именно мне предстоит познакомиться.

Напоследок замечу, что за все хорошее в жизни приходится платить и платить втридорога. Вот и те незабываемые встречи вышли мне боком. Представьте мое удивление, когда впоследствии выяснилось, что Пеле Фео, оказывается, числился в диссидентах, что весьма странно – я не припомню, чтоб мы с ним хоть раз обсуждали Фиделя или вообще говорили о политике.

Как бы там ни было, а вездесущие «комитеты защиты революции» – это что-то вроде общенациональной системы тотального стука кубинских граждан друг на друга – любезно предоставили сведения о моих знакомствах местным чекистам, а те, в свою очередь, поделились информацией с советскими коллегами. В итоге в диссиденты на всякий случай записали и меня.

И хотя Горбачев уже успел произнести слово «перестройка», незадачливого любителя магического реализма отправили на родину раньше срока, лишили желанной работы, сослали подальше от Москвы и на пять лет окружили неусыпным вниманием в виде не особо скрытной слежки, прослушивания разговоров, перлюстрации почты, регулярных доносов и многого другого, о чем сегодня и вспоминать противно. Впрочем, та самая трудная пятилетка в моей жизни заслуживает отдельной книги.

II. Дом наш!

ДОМ НАШ!

11. Ирландское чудо

Пытаясь развеяться и позабыть о досадной неудаче с покупкой дома, мы поехали по другим странам, но все красоты мира так и не сумели затмить воспоминания об Эпидавре и о незабываемом ощущении благодати, которое снизошло там на нас обоих. Мы стали подумывать о возвращении.

Для начала в качестве разминки мы посетили еще с полдюжины греческих островов, после чего наконец посчитали процесс восстановления порванной сердечной мышцы законченным. В конце лета я связался с Ангеликой и забронировал любимейший нам номер.

Приехав, мы принялись выспрашивать у хозяйки о выставленной на продажу недвижимости по соседству. Оказалось, что кроме того дома, что она показывала нам двумя годами ранее, ничего нового так и не появилось. Но была и хорошая новость – хозяин существенно сбросил цену. Хм, неужели очередная волна экономического кризиса вновь обернется для нас удачей?

В ходе повторного осмотра, еще раз обозрев врезавшийся в память вид, мы наконец сосредоточились на доме. Выяснилось, что недвижимость у Ангелики первоначально приобрел некий ирландец – судя по бирке на ключе, фамилия владельца была *Keiry*, – однако из-за серьезной болезни кого-то из членов семьи дом вновь выставили на продажу.

Следующим покупателем стал нынешний владелец, тоже ирландец по имени Даниэль Форде. Как оказалось, ему же принадлежит еще один дом в этом кондоминиуме. А еще, как сообщила обожающая сплетни Ангелика, у Форде, с которым она была на короткой ноге и звала попросту Дэнном, кроме двух домов в Эпидавре имелись три дома в Испании, два в Эмиратах, несколько в Ирландии и несколько где-то там еще.

– А чем занимается этот Дэн? – поинтересовался я.

– Он хозяин бара.

– Видимо, речь идет о какой-то разветвленной международной сети, верно? – уточнила Кузя.

– Нет, отчего же? У Дэна один-единственный бар.

– Как? Всего один? И где же он находится?

– В Корке, где живет семья Дэна.

На лице жены отразилось замешательство. Как я понял, она, как и положено профессиональному математику, грубо оценив совокупную стоимость принадлежащей Форде многомиллионной недвижимости, принялась подсчитывать в уме, сколько же пинт эля и бутылок виски нужно было выпить посетителям, чтобы принести бармену такое состояние.

Результаты этих вычислений привели к парадоксальному выводу: по сравнению с ирландцами нас – русских, абсолютно незаслуженно подозреваемых в чрезмерной любви к алкоголю, по всей справедливости следует причислить к трезвенникам.

Судите сами. Начнем с того, что даже в Москве с ее тринадцатью миллионами человек – и это не считая толпы мигрантов – хороший бармен на неплохой автомобиль и съемную хату еще заработает, а вот на десять вилл за рубежом навряд ли. А потом, в отличие от Москвы, население крохотного Корка составляет всего двести тысяч человек!

Последний аргумент заставил нас до крайности зауважать ирландцев вообще и жителей Корка в частности. Мы даже решили как-нибудь посетить этот город и обязательно зайти в принадлежащий Дэну бар, дабы своими глазами стать свидетелями происходящего там чуда.

Стоит ли удивляться тому, что в День святого Патрика все ирландцы до единого в порыве самоидентификации рядятся в зеленые одежды, являя миру истинное лицо нации – зеленых человечков, словно сошедших с иллюстрации из медицинской энциклопедии к статье, описывающей клинические проявления *delirium tremens*¹.

* * *

Осмотр дома произвел смешанное впечатление. Мраморные полы внутри и на балконах, а также общая планировка комнат в целом выглядели недурно, зато очень расстроили санузлы – их было намного больше, чем нужно, и все крохотные.

Размер санузлов в Греции – это отдельная тема. Даже в больших и просторных домах ванны и туалеты всегда невероятно тесные. Такое ощущение, что когда подходит время справить нужду, греков повально поражает боязнь открытых пространств, и потому адекватно откликнуться на зов природы возможно, только запершись в крохотной каморке.

А еще все кругом, похоже, страдают хроническим недержанием и оттого встраивают такое невероятное число туалетов, чтобы, когда припрет, до любого из них можно было добраться в один-два прыжка.

К слову, на число туалетов стоит попенять и местным властям, регулирующим сдачу недвижимости внаем и зачем-то на уровне закона требующим обустроить санузел при каждой спальне. А кому же не хочется подстраховаться и заранее подготовить дом к сдаче?

Кроме численности санузлов и их размеров, сильно смутил выбор ирландцами отделочных материалов. Думается, что даже если объявить всемирный конкурс с приличным призовым фондом на худший дизайн туалета, то ни один из соискателей, скорее всего, не перебил бы донельзя депрессивные, темно-бурые тона плитки с пятнистым узором. Причем эти пятна более чем реалистично имитировали потеки крови. В итоге ванны, туалеты и кухня смотрелись не просто убого, а здорово смахивали на съемочную площадку очередного сиквела «Техасской резни бензопилой». Впрочем, не зная, какую цену объявит хозяин, мы, наученные предыдущим опытом, не стали ни сильно вдаваться в детали, ни особо расстраиваться – а вдруг зря?

Наши сомнения попыталась развеять Ангелика:

– Этот дом построили мы с Илиасом. Как для себя делали. Качество постройки – лучше не придумаешь. А материалы! Да вы только взгляните на эти дверные ручки! Я их лично выбирала. Правда, классные?

– О, да! – выдал я из вежливости, про себя рассудив, что замена ручек, сильно отдававших заводской общагой, – дело пустяжное.

Ангелика с гордостью обвела взглядом самолично возведенный объект:

– Тут всего и делов-то: отполировать полы и можно завозить мебель. И все, финиш!

Я почему-то в правоте этих слов сразу засомневался, но на всякий случай кивнул.

¹ Белая горячка (лат.).

* * *

Во время телефонных переговоров Дэн почти вдвое сократил свои аппетиты по сравнению с предыдущей ценой, озвученной нам двумя годами ранее. Однако было все равно дороговато, и я честно сказал, что хоть нам и понравилось, цену мы по-прежнему осилить не можем, а потому осмотрим альтернативные предложения. А они действительно появились. Мы нашли очень красивую виллу рядом с морем, абсолютно не нуждающуюся в ремонте. Купил и живи. Одна беда – дом располагался в тридцати минутах езды от Эпидавра.

Помню, я долго пребывал в сомнениях. Полчаса езды? А как же хвалы Миллера здешним красотам и его проникновенные слова про то, что это «чаша, из которой пьешь чистый дух»? Что, если в том месте, где стоит понравившаяся нам вилла, «чистый дух» не наливают? Что, если туда не долетают и загадочные «крылатые создания, которые кружат, распевая песни», что тогда? Имелся и еще один недостаток: место оказалось куда более диким – всего одна таверна. Какой ужас, это же полное отсутствие гастрономической вариативности!

Тем не менее появление реальной альтернативы существенно укрепило нашу переговорную позицию. Набравшись наглости, я тут же перезвонил Дэну и потребовал еще большую скидку. К моему удивлению, ирландец не послал меня куда подальше, а пообещал подумать до завтра. Дело принимало интересный оборот.

Днем позже Дэн Форде позвонил сам и сообщил, что согласен на мои условия. Сразу после окончания разговора мы с Кузей не мешкая отправились в таверну и на радостях наклюкались, что неудивительно, ведь мы еще никогда не были так близки к тому, чтобы воплотить мечту, временами казавшуюся недостижимой.

12. Купить то, чего нет

Для оформления сделки нам срочно понадобился юрист, желательно честный и толковый, да еще говорящий по-английски. Понимая, что в живой природе искомое сочетание водится чрезвычайно редко, мы призадумались, но затем вспомнили о голландце Маринусе, том самом, что пытался подыскать для нас варианты жилья. Он уже купил дом, а значит, прошел тот же путь, что предстоит нам. Кто-то же ему помог?

Маринус любезно снабдил нас контактами своего юриста с офисом в Нафплионе и дал ему прекрасные рекомендации. Так мы познакомились с Костасом Хелиотисом.

Симпатичный, словоохотливый Хелиотис оказался для нас настоящей находкой. Отучившись на юриста в Мюнхене, Костас не то чтобы прямо-таки переродился в немца, но тем не менее позаимствовал у своих преподавателей некоторые весьма полезные черты. Начнем с того, что он исправно отвечал на электронные письма. К моменту встречи с Хелиотисом я уже имел солидный опыт переписки с греческими корреспондентами и привык к, мягко говоря, ненапряженному графику документооборота – ответ на письмо, посланное в понедельник, в лучшем случае приходил не раньше понедельника следующей недели. А этот парень отвечал в тот же день!

Вторым достоинством Хелиотиса была почти что немецкая пунктуальность. Верите или нет, но, назначая вам встречу, скажем, на десять ноль-ноль утра, греки на самом деле имеют в виду только одно – раньше этого времени приходиться не имеет смысла. А вот вопрос, когда же все-таки стоит появиться, остается открытым, и всякий толкует его на свой лад.

Человек воспитанный и по местным меркам пунктуальный опоздает на полчаса-час или около того, среднестатистический грек задержится часа на два-три, а невежа не придет вовсе. Но что любопытно, никто из троих не позвонит и не предупредит о задержке или изменении планов.

Если подумать, то греки ведь не случайно в прошлом дали миру так много величайших мыслителей. Даже сегодня на бытовом уровне они на голову превосходят мудростью любую другую нацию. Судите сами: даже не особо продвинутый в фундаментальной науке маляр или сантехник, с которыми вы опрометчиво договорились о встрече в конкретный час, способны играючи взять в руки пространственно-временной континуум – вещь малопонятную даже для нобелевских лауреатов – и с дерзостью Эйнштейна отломать на фиг вторую половину конструкции. И нет проблем! А недоумки вроде нас только и могут, что извиняющимся тоном нести всякую ерунду про автомобильные пробки, сломавшийся будильник или застрявший лифт.

Только не подумайте, что я дурно отношусь к грекам. Я питаю к ним самые нежные чувства. И вообще, как говорил английский писатель Рекс Уорнер: «Если вы не любите греков, вы неспособны полюбить ничего другого».

И ради бога не обманывайтесь насчет того, что я тут, дескать, критикую местные обычаи. Наоборот, я с удовольствием под них подстраиваюсь, в этом-то весь смысл. Проживать не одну, а две жизни одновременно – план, о котором я упоминал в самом начале, – можно, только если ты полностью меняешь привычные модели поведения и целиком растворяешься в новой действительности, не пытаясь перестроить ее под себя.

Однако вернемся к достоинствам Хелиотиса. Кроме немецкого, он прекрасно владеет английским, что очень ценно. Не знаю, как вы, а я чувствую себя намного увереннее, если ясно и в подробностях понимаю то, что подписываю. А разобраться в греческих законах самостоятельно практически невозможно. Дело в том, что кроме чисто правовых моментов существует еще одна сложность: огромное количество юридических текстов написано на кафарёвусе – искусственном языке, основанном на древнегреческой грамматике, но вклю-

чающем современную лексику. И хотя кафаревусу официально отменили еще в 1982 году, ею по инерции какое-то время еще продолжали пользоваться при составлении официальных документов. А потому в деле изучения законодательной базы лучше положиться на специально обученного человека.

И наконец, что немаловажно, Хелиотис по совместительству оказался еще и вице-мэром Нафплиона. Какой полезный человек!

Тщательно изучив документы продавца, юрист тут же нас огорошил:

– А вы знаете, что по бумагам, вы покупаете не отдельно стоящий дом, а два смежных таунхауса?

– Каких таких таунхауса? – обалдели мы. – Их же не существует!

А юрист невозмутимо продолжил:

– И вашу будущую недвижимостъ предстоит легализовать.

– Но как это можно сделать?

Словоохотливый Хелиотис на этот раз ответил со спартанской лаконичностью:

– За деньги.

– Снова платить?!

Поскольку вопрос был риторическим, юрист оставил его без ответа. Увидев, что мы здорово опечалились, Хелиотис попытался нас успокоить, рассказав, что и сам живет в четырехсотлетнем доме, с кучей нелегальных переделок и не переживает по этому поводу. Еще бы, не знаю, как в Греции, а у нас на родине замглавы городской администрации, вроде Хелиотиса, и не то может себе позволить.

* * *

В телефонном разговоре я набросился на Дэна с вопросом, почему он не предупредил о том, что дом нелегален. Для ирландца новость про таунхаусы, похоже, тоже стала неожиданностью. Почему я не обратился с аналогичным вопросом к Илиасу с Ангеликой? Ну, хотя бы уже потому, что они из приличия должны были сами давно рассказать мне о реальном положении вещей.

Была, однако, у этой неприятной истории и полезная сторона: поняв, что в Греции мелкий, а местами и крупный обман столь же обычный инструмент делового общения в строительной сфере, как и у нас на родине, мы скорректировали подход и впредь все бумажки стали рассматривать, что называется, через лупу.

Кроме того, мы еще раз тщательно осмотрели нашу будущую недвижимостъ. Оказалось, что, несмотря на пятилетний возраст, в доме никто никогда не жил. Тогда мы еще не знали, что это очень вредно для коммуникаций и не только для них. Также мы обратили внимание на то, что одно окно было разбито, а остальные открывались и закрывались с большим трудом. Однако Ангелика успокоила нас, сообщив, что оконная мастерская находится прямо в поселке и мелкий ремонт обойдется нам в сущие копейки. Мы с готовностью ей поверили, тем более, что если ценой немалых усилий окна все же удавалось растворить, открывавшийся пейзаж мог запросто свести с ума куда менее чувствительную натуру, чем какой-нибудь там завзятый эллинофил вроде Миллера или Фаулза.

А еще мы повнимательнее пригляделись к домам соседей. Наш юрист был прав: при ближайшем рассмотрении оказалось, что в округе, судя по всему, не было ни одного сооружения, возведенного без каких-либо нарушений. К слову, законы в части строительства с тех пор существенно ужесточились, а в то время, когда мы только-только готовились к сделке, покупатель греческой недвижимосты был абсолютно незащищен. Хотя, признаю, в одном окопе с Хеллотисом стало как-то поспокойнее.

13. Сделка

Договорившись об условиях сделки, мы улетели в Москву. Поскольку имеющихся у нас денег катастрофически не хватало, надо было срочно – пока ирландец не дай бог не передумал – получить добро от банка на внушительный заем, рассчитанный на пяти-, а то и семилетнее погашение. Помните, я в самом начале упомянул нашего друга Женю, из расчетов которого следовало, что если с умом сдать греческую недвижимость в аренду, она, как заведенная, будет всю жизнь работать на нас, с первого же дня принося деньги на погашение процентов по кредиту? Так вот, в реальной жизни все строго наоборот. Это нам самим отныне предстоит горбатиться чуть ли не до гробовой доски, оплачивая эту бесконечно долгую ипотеку.

Кредит удалось получить только под залог квартиры. Другими словами, случись что, у нас есть шансы остаться и без дачи, и без московского жилья – натурально на улице. Впрочем, нас и это не остановило.

* * *

Суету с ипотекой приходилось сочетать с беготней по клиентам и работой над книгой, которая уже подходила к концу. Вычитав законченный роман, я вручил рукопись Кузе и с трепетом стал ожидать ее рецензии. Рецензия оказалась положительной.

– А ну быстро пиши продолжение. Хочу знать, что будет дальше.

Как и велено, я сел выдумывать сиквел, а первую книгу амбициозно отправил в крупнейшее издательство, благо был шапочно знаком с одним из редакторов.

Что касается второй книги, то ее идея выросла не на пустом месте. Я как раз закончил читать Плиния-старшего и находился под впечатлением от его восторженных описаний шедевров античной живописи, ни один из которых до нас, к сожалению, не дошел. Вот я и подумал: а что, если одна из этих гениальных картин, упомянутых Плинием, дожила до наших дней? Только представьте, сколь ценной она бы оказалась!

Скажете, такое невозможно? Поспорю. В конце концов, ведь сохранились же благодаря сухому климату пустыни так называемые фаюмские портреты? А ведь их возраст вполне сравним с возрастом творений великих античных художников. Оставалось только прописать интригу, но когда у тебя в руках такая шикарная идея, все остальное – мелочи.

* * *

На ипотечные хлопоты ушел целый месяц. Наконец деньги были получены, и мы с ирландцем договорились о встрече в Эпидавре в середине октября.

Забегая вперед, скажу, что Дэн оказался опытным коммерсантом – он единственный из продавцов проинтуичил, что если не продать сейчас, то следующего шанса придется ждать несколько лет. В итоге все продавцы-греки момент упустили, а Дэн умудрился продать оба своих дома, а затем весьма выгодно скупить недвижимость у себя на родине, где по причине кризиса тех дней приобрел ее по бросовой цене. Получилось, что в результате гибкости Дэна выиграли и мы, и он сам – классический *win-win*.

Накануне сделки мы встретились с Дэном Форде и его женой-американкой в холле гостиницы *Angelica Villas*. Ирландец оказался весьма крупным мужчиной с донельзя мрачным лицом. Столкнись с таким ночью на безлюдной улице, невольно захочешь перейти на

другую сторону. Я даже предположил, что секрет финансового успеха Дэна, возможно, кроется в том, что он здорово сэкономил на вышибалах.

Морально готовя нас к назначенной на утро сделке, Дэн предупредил, что будет «очень жестко себя вести по отношению к мистеру Хелиотису», и просил, чтобы мы не принимали это на свой счет.

Встревоженный и заинтригованный одновременно, я дурно спал в ту ночь. Буйное воображение одну за другой подсовывало мне в снах кровавые сцены насилия, в каждой из которых здоровяк Дэн Форде, приводя в исполнение свою угрозу, более чем «жестко» вел себя по отношению к Хелиотису, рост которого, кстати, вместе с каблуками метр шестьдесят, не больше.

* * *

Утром, охваченный нехорошими предчувствиями, я зашел в кабинет к Хелиотису с тяжелым сердцем. Окинув вице-мэра сочувственным взглядом, я занял место в кресле.

Поскольку Греция, как и вся Южная Европа, живет по принципу, метко подмеченному еще Джеймсом Брауном в песне *This is a man's world*, мы с Дэном подсели к столу Хелиотиса, а женщины скромно устроились на диване поодаль. По большому счету на моем месте должна была сидеть Кузя, сделавшая много больше, для того чтобы эта сделка состоялась, и гораздо лучше понимающая в финансовых делах, но в Греции подобный расклад был бы воспринят как моветон и вызов общественным устоям.

Дэн Форде, похоже, подготовившись выполнить вчерашнее обещание, вплотную придвинулся к столу и угрожающе навис над хозяином кабинета.

– Мистер Хелиотис, – грозным голосом начал он, – я до сих пор так и не понял, как вы намереваетесь обеспечить оговоренный нами порядок расчетов?

Хелиотис, мгновенно сориентировавшись в ситуации, похлопал нависшего над ним ирландца по плечу и проникновенно шепнул ему на ухо:

– Все под контролем.

Примерно таким же тоном бригадир залётных шабашников на любой вопрос озабоченного заказчика отвечает стандартной фразой: «Не бойсь, хозяин». Как ни удивительно, но в случае с Дэном этот старый трюк прекрасно сработал. Ирландец тут же сдулся и впоследствии почти не задавал вопросов.

Подписав бумаги, мы уже через полчаса отправились в банк, где Хелиотис ловко разрулил все возникшие по ходу дела финансовые вопросы, сдержав слово, данное Форде. А мы с Кузей, вернувшись в Эпидавр, не заезжая в гостиницу, отправились в таверну отпраздновать эпохальное для нас событие – у нас появился греческий дом.

Кстати, уже давно пора упомянуть о зланных местах Эпидавра – некоторые здешние таверны чрезвычайно хороши. Начну с тех, что работают только в сезон и закрываются на зиму. Ближайшее к нашему дому заведение – до него десять минут пешком – называется «Калогерикон», что означает «Приют монахов». Как явствует из названия, здание, где расположена таверна, в старину служило монашеским приютом. Сам же дом стоит у старой дороги, а столы, как водится у греков, разместились прямо в саду среди фруктовых деревьев.

Кухня заведения столь разительно отличается от привычного нам стандартного туристского набора, что вначале мы по наивности посчитали ее таким гастрономическим фьюжном, приготовленным на основе греческих блюд.

При этом «фьюжн» оказался нам чрезвычайно вкусным. Впоследствии выяснилось, как сильно мы заблуждались. Оказалось, что Панайота – хозяйка заведения, она же повараха – готовит исключительно по старинным рецептам пелопоннесской кухни, чураясь всякой туристской клюквы.

Поэтому бывают вечера, когда в этой таверне, несмотря на то что она отстоит от городка на два километра, не сыщешь ни одного свободного места. Еще бы, трудно представить себе нечто более прекрасное, чем изысканная Панайотина еда вкупе с россыпью звезд над головой, пением цикад и урчанием притаверничных кошек.

Любопытно, что хотя мы с Кузей давно поняли ошибку, допущенную при классификации этого ни на что не похожего заведения, мы тем не менее продолжаем по привычке называть таверну «Фьюжном» – для краткости.

Прислуживает посетителям степенный муж хозяйки, которого зовут Тасос. Изучив наши вкусы, он уже не тратит время на пустое перечисление того, что сегодня есть на кухне, а сразу несет то, что мы любим. Тасос вообще избегает как лишних слов, так и движений.

Между прочим, Панайота работает учительницей в начальной школе Эпидавры, и бывшие ученики в разгар сезона по очереди помогают ей накрывать столы и убирать посуду. А если заданный хозяйке вопрос требует развернутого ответа – к примеру, вы спросили ее о рецепте, – Панайота из поварахи на глазах преобразается в училку. Одернув платье и упершись ладонями в стол, она мгновенно меняет тембр голоса и увеличивает его громкость, так, чтобы было слышно не только вам, но и всему остальному «классу».

А какие у Панайоты десерты! Лично я с ума схожу по йогурту, приправленному домашним вареньем из цедры бергамота. Это что-то с чем-то!

Публика в «Калогериконе» тоже весьма примечательная. В разгар театрального фестиваля артисты по окончании спектаклей бронируют тут столы, чтобы отпраздновать успешное окончание гастролей, предоставляя дачникам прекрасную возможность поглазеть на заезжих знаменитостей от популярных греческих артистов до мегазвезд Голливуда вроде Тома Хэнкса или Итана Хоука.

Ради бога не думайте, что я падок на великосветское общество – не для того мы забились в деревенскую глушь, – лишь замечу, что театральный фестиваль и связанный с ним бум культурных событий вносит приятное разнообразие в тихую жизнь нашего захолустья.

Да, чуть не забыл, у Панайоты всегда прекрасное вино. Я имею в виду в розлив. Ну вы же не станете в греческой таверне просить винную карту? Это будет уже не таверна, а черт-те что. В аутентичных заведениях принято заказывать вино исключительно графинами. По этому поводу вино не всегда соответствует уровню еды. Рецепт простой: по возможности избегать красного – с ним обмишулиться легче всего. То есть на Пелопоннесе, конечно, есть приличный красный виноград, например, ксиномавро, айоргитико и некоторые другие сорта, но в тавернах отчего-то в качестве красного по грузинскому обычаю зачастую предлагаются напитки, еще не успевшие толком стать вином.

Зато ситуация с белым и розовым куда благоприятнее. Абсолютно лучшим пелопоннесским белым, причем с большим отрывом от конкурентов, я бы назвал мосхофилеро. Исторически это эндемик полуострова, точнее, его северной части. Вот его-то и стоит заказать.

Начнем с цвета, что варьируется от желтого до зеленоватого и потрясающее смотрится в бокале, особенно в закатные часы. А букет! В зависимости от места сбора, в этом вине может присутствовать аромат розы, нотки апельсина, груши и даже земляники. Разумеется, мосхофилеро мосхофилеру рознь, но в целом это беспрониторный выбор. Почему это я вдруг так разволновался на винную тему? А дело в том, что из всех известных мне заведений лучшее разливное мосхофилеро подают именно в «Калогериконе». Ясное дело, имя своего поставщика ни Тасос, ни Панайота не выдают.

14. Смотритель в придачу

Вас, верно, мучит вопрос, почему я ни словом не обмолвился о препонах, чинимых иностранцу греческой бюрократией на пути к вожделенному праву собственности? Прочитав книгу осевшего в Афинах англичанина под названием «Как выжить в условиях греческого бюрократизма», мы с Кузей загодя морально приготовились к суровым испытаниям, но на деле оказалось, что греческие чиновники в сравнении с их российскими коллегами – что малое дитя против разбойника с большой дороги. Смех на палочке да и только.

Все справки от государственных и прочих структур мы получили мгновенно и совершенно бесплатно, безо всяких там пресловутых «факелаки» – так греки называют взятку чиновнику. Дословно «факелаки» означает «конвертик», хотя, разумеется, способов дать на лапу великое множество.

Справедливости ради предположу, что относительное отсутствие бумажной волокиты в сделках с недвижимостью отчасти объясняется тем, что большую часть взаимодействия с госорганами в Греции, как и почти повсюду в Европе, берет на себя нанятый вами юрист.

* * *

Вдобавок к дому, купленному у ирландца, придавался еще и смотритель, также выполнявший обязанности садовника. Звали его Костас Параскевопулос. А надо сказать, что Костасов в Греции не меньше, чем в Бразилии донов Педро или в Испании парней по имени Пако – это уменьшительно-ласкательное от Франсиско.

У Хемингуэя есть рассказ, в котором один испанец, приехавший в Мадрид в поисках сына, опрометчиво поместил в столичной газете вот такое объявление: «Пако жду тебя в отеле Монтана вторник двенадцать все простил папа». В итоге папаше пришлось прибегнуть к помощи жандармов, чтобы разогнать собравшуюся у гостиницы многотысячную толпу.

Короче говоря, с Костасами в Греции та же фигня. Слава богу, у нашего смотрителя есть еще и фамилия. Если попытаться перевести ее на русский, получится что-то похожее на Пятницкий. Мы поначалу так и прозвали его промеж себя, но впоследствии с подачи Дефо остановились на хрестоматийном варианте Пятница. Как показал последующий опыт, в нашей греческой драме Пятнице была уготована одна из ведущих ролей.

* * *

Перед отъездом в Москву, обсуждая, кому поручить грядущий ремонт, и наивно полагая, что он будет кратковременным, мы подумали, что оплошности, совершенные строителями-селянами, может исправить только настоящий профи.

Поиски, как обычно, привели нас к Ангелике. Оказалось, что ее родная сестра Феофания, которую все звали Фани, отучившись во Франции, где получила диплом дизайнера, собрала бригаду рабочих и выполняет заказы по обустройству жилья.

Собственно дизайнер был нам не нужен, ибо самая приятная часть греческой эпопеи как раз и заключалась в том, чтобы самим решить, как обиходить каждый квадратный метр, с наслаждением продумывая всякие мелочи. А вот для исполнения технической части были нужны рабочие руки, желательны произрастающие из правильного места, и знающий свое дело руководитель.

В отличие от России, в Греции найти полноценную бригаду, способную сделать ремонт под ключ, невероятно сложно. Тут, как, видимо, и везде в Европе, не существует специали-

стов широкого профиля. Другими словами, человек обычно обучается какой-то одной профессии, например ремеслу маляра или каменщика, и никакая сила во вселенной не заставит его освоить смежную специальность. И уж тем более никакой уважающий себя маляр даже в интересах бизнеса не станет на постоянной основе смыкаться с каким-нибудь там каменщиком в одну команду. Собрать их всех можно только одним способом – с помощью некоего прораба, приходящегося кому-то из рабочих другом, кому-то сватом, кому-то братом и так далее. В общем, мы вызвали Фани и показали ей наши ужасные санузлы, пребывая в твердой уверенности, что это наша единственная проблема.

Осмотрев ванны и туалеты, Фани подтвердила понимание стоящей перед ней задачи, но про цену отвечать отказалась, сославшись на необходимость все тщательно рассчитать, дабы не остаться внакладе. Нам такой подход показался разумным.

Месяца через два, ближе к Новому году я получил от Фани электронное письмо с указанием цены и сроков работ. И если сроки были вполне приемлемы, то цена неприятно поразила. Она была астрономической даже по московским меркам.

Одним из побочных эффектов глобализации стал следующий: греки, не долго думая, взяли и скопировали прејскуранты немецких да французских коллег, закрепив их в собственных профсоюзных расценках. И в отличие от таджикских, узбекских и прочих шабашников, ни на какие переговоры не идут. Мало того, как выяснилось, в отличие от той же Германии, Франции и России, в Греции не существует такого понятия, как гарантия на выполненные работы. Ну вот нету и все. Другими словами, если уже назавтра свежепокрашенная стена облупится, это ваша проблема, а маляр тут ни при чем.

* * *

Тем временем пришел ответ от редактора издательства, прочитавшего *Ave, Caesar!* Дословно он был следующим: «Это нужно печатать!»

О боже, моя книга понравилась! Такое известие просто нельзя было не отпраздновать, и мы устроили по этому поводу семейное торжество, как положено, сопровождавшееся обжорством и обильными возлияниями.

Щедро раздавая посулы будущего успеха, издательство предложило мне незамедлительно написать продолжение как неперемное условие публикации первой части. Мне доходчиво объяснили, что даже пояись сегодня новая Агата Кристи и напиши она всего одну книгу, никаких шансов достучаться до российского читателя у нее нет – нынче печатают только «серийных авторов». Ладно, подумал я, будет вам продолжение, тем более что я уже начал над ним работать.

Окрыленный этой иллюзорной востребованностью, я с удвоенной энергией засел за новую книгу, в то время все еще пребывающую на стадии плана. Почему я так медлил с началом? Дело в том, что составление плана – моя любимая часть писательской работы. Я называю это «плести интригу». В самом деле, нет ничего приятнее, чем чистое творчество, когда ты фонтанируешь идеями и образами, не отвлекаясь на тщательный подбор слов, логику мысли и другую малокреативную ерунду.

Это так же прекрасно, как, сидя у себя дома на любимом диване, а не где-нибудь в душевой студии, сочинять новые мелодии и стихи, не закливаясь на последующей аранжировке, обработке записанных треков компрессорами да эквалайзерами и прочей рутине музыкального постпроизводства. Благодать, одним словом.

Тот Новый год выдался на редкость веселым и счастливым. По сложившейся традиции любимый праздник отмечали на даче у друзей. Звеня бокалами и треща хлопучками, мы с Кузей с улыбкой вспоминали о том, как ровно год назад, здесь же, слышав бой курантов, оба, не сговариваясь, загадали одно и то же желание, а именно: «домик у моря». По

правде говоря, это желание мы синхронно загадывали уже не один год подряд, но от этого его исполнение стало еще более приятным.

О, как чертовски здорово, захмелев от счастья и шампанского, предаваться грезам! Что принесет нам следующий год? Ведь с появлением долгожданной греческой дачи мечтать, кажется, уже больше не о чем. Всего-то и остается, что совсем чуть-чуть эту дачу подма-рафетить. Но и тут мы, похоже, обойдемся малой кровью, поскольку дом, можно сказать, новый и в нем никто никогда не жил. А раз так, то это не ремонт, а плевое дело.

III. Год первый: Поэтажный план рая

ГОД ПЕРВЫЙ: ПОЭТАЖНЫЙ ПЛАН РАЯ

15. Побочный эффект дружбы

В начале февраля я снова на неделю заселился в гостиницу к Ангелике, чтобы лично присутствовать при начале работ, которые, по заверениям Фани, должны были закончиться через месяц. Если бы я тогда знал, что наш ремонт на самом деле растянется больше чем на пять лет, то еще в день приезда, не раздумывая, уплыл бы как можно дальше в ледяное море в тайной надежде на то, что смерть от переохлаждения наступит быстрее, чем собственно утопление.

Еще не ведая масштаба грядущей трагедии и наивно веря в лучшее, я принялся надзирать за Фани, в свою очередь надзиравшей за рабочими. По плану, для начала предстояло сбить старую плитку. Вообще-то плитка была совершенно новая, – муха не сидела, – но, как я уже говорил, выглядела устрашающе, словно декорация к фильму ужасов, нарочно уделанная бутафорской кровью.

После того как санузлы обрели свой первоначальный бетонный вид, наступил ответственный момент выбора нового отделочного материала. Поскольку мрамор в Греции в целом дешевле керамической плитки, я решил на нем и остановиться. Предварительно разведав рыночные цены, я попросил Фани рекомендовать мне качественного и недорогого поставщика. В ответ та не только дала координаты, но и любезно согласилась сопроводить меня на одну из фабрик.

Просмотрев образцы мрамора, представленные в выставочном зале, я выбрал светло-серый для стен и бежевый с серыми прожилками для пола. Тут подошел сын хозяина фабрики, как оказалось, старый друг Фани. Они горячо расцеловались. Друг Фани? Хм, это может оказаться очень кстати. Есть шанс получить хорошую скидку.

Поскольку образцы не имели ценников, я сообщил нужное мне количество квадратных метров и попросил обсчитать заказ. Сумма меня обескуражила, она более чем вдвое превосходила предварительно разведанную мною рыночную цену. Может, я выбрал какой-то чрезвычайно редкий, а потому дорогой сорт мрамора? Непохоже, ведь ровно таким же материалом, который, как я уже знал, добывают здесь же на Пелопоннесе из недр горы Дидима, отделаны ванные комнаты в нескольких домах, которые мы осмотрели, прежде чем остановились на Эпидавре. Все остальное в тех домах, в отличие от плитки в санузлах, выглядело весьма бюджетно, из чего я заключил, что и мрамор, несмотря на свою природную красоту, тоже должен быть недорогим.

Я обратился за советом к Фани. Ее ответ меня удивил:

– Если вам говорят, что это столько стоит, значит, столько оно и стоит.

Странно как-то. Мы же в Греции, где по идее, как на базаре, все торгуемо. Почему же цены на мрамор являются исключением?

Поскольку от Фани, несмотря на близкое знакомство с хозяином, не было никакой пользы, я попытался торговаться сам. Однако продавец не желал уступать ни копейки. Поняв, что трачу время впустую, я вернул образцы и попрощался. Насупленная Фани последовала за мной.

А дальше началось самое интересное. Выйдя из ворот, я заметил, что на противоположной стороне дороги – метрах в пятидесяти, а то и меньше – стоит еще одна фабрика, только больше размером.

– А почему бы нам не попытать счастья напротив? – спросил я Фани.

– Это без меня, – неожиданно ответила она, села в машину и укатила, по виду очень недовольная тем, что оказала мне огромную любезность, а я, понимаете ли, закочевряжился почему зря. Чудно, однако.

Я перешел дорогу и попал в очередной выставочный зал. Образцов тут было намного больше, но я все равно остановился на так понравившихся мне местных сортах мрамора – бежевом и сером. И, о чудо, объявленная цена оказалась в два раза ниже!

– Можете еще немного скинуть?

– Пожалуйста.

– А еще чуть-чуть?

– Мм, ну хорошо.

Не веря своему счастью и сэкономив изрядную сумму, я сделал заказ и уже собирался уходить, но потом все же решил задать хозяину мучивший меня вопрос:

– Скажите, а почему цены конкурента напротив столь высоки по сравнению с вашими?

Мужчина пожал плечами, будто извиняясь за соседа:

– Пока отец не отошел от дел, все было нормально. А когда к рулю встал сын, все загнулось. Как вы уже заметили, коммерсант он неважнецкий. – И повеселев, добавил: – Зато мы теперь процветаем!

* * *

При следующей встрече я радостно сообщил Фани, что нашел мрамор по сходной цене, а заодно попенял ей на то, что это произошло не благодаря ее помощи, а, скорее, вопреки, и без обиняков спросил, почему она отказалась идти со мной на другую фабрику.

– Продавец, к которому я вас возила, мой одноклассник и друг, поэтому я никак не могла пойти с вами к его более дешевому конкуренту.

У меня отвисла челюсть.

– Так вы знали, что тот же самый мрамор в другом месте можно купить дешевле?

– Разумеется, – фыркнув, ответила Фани с интонацией, с которой у нас обычно говорят: «Чай не первый год замужем».

– Но почему вы не предупредили меня об этом?

– Я же сказала, это мой друг.

Я рассвирепел:

– Вы что, издеваетесь надо мной?

– Не понимаю, чего вы от меня хотите?

– Чтобы вы объяснили, почему вы поставили интересы друга выше интересов клиента?

Вы что, собирались взять за мой счет откат?

Фани поначалу не поняла английского слова *kickback*, а греческого эквивалента я не знал. Наконец до нее дошло.

– Что-что? – взвизгнула она.

– Что значит «что-что?». А что еще мне остается думать?

– Да как вы смеете? Вы что, ненормальный? Вам же говорят, это мой друг. Дру-уг. Не могу же я его подвести.

– А меня, значит, можете?

– Мы же не друзья.

У меня снова отвалилась челюсть.

– Но я же плачу вам вознаграждение. И делаю это именно затем, чтобы вы играли в моей команде, а не в противоположной.

Фани снова фыркнула и с искренним возмущением скрестила руки на груди:

– Что же тут непонятного-то? Это же элементарно. Например, когда я делала ремонт в собственном доме, то купила мрамор не где-нибудь, а у этого моего одноклассника. Да, вышло втридорога, но что поделаешь? Есть какие-то вещи, через которые нельзя перешагнуть. Например, дружба. Ей-богу, странно, что до вас не доходят столь простые вещи.

До меня и в самом деле наконец дошло. Поостыв, я понял, что мы с Фани до этого жили в разных галактиках, но коли вышло так, что я приземлился на ее планете, а не наоборот, то и приспособливаться придется мне, а не ей. Ну ничего, как-нибудь принорювимся, тем более что выбранное для посадки место оказалось нечеловечески красивым.

Мы вновь расстались до крайности недовольные друг другом. Однако аванс заплачен и уже частично истрочен, так что отступать некуда.

Вернувшись в гостиницу, я попытался искать правду у сестры Фани, но Ангелика, выслушав рассказ, не разделила моего возмущения:

– А чего ты хочешь? Они же одноклассники. Не обижать же человека!

«Вашу мать! А я что, не человек?» – захотелось гаркнуть мне, но я сдержался.

* * *

Второй по важности задачей после заказа мрамора было обустройство окна, расположенного прямо над ванной в санузле при спальне. Существующее окошко и окошком-то не назовешь. Размером с лист формата А4, оно, видимо, задумывалось архитектором как бойница на случай внезапной турецкой осады.

Крохотные размеры помещения еще более усугубляли ощущение тесноты. И тут мне в голову пришла светлая идея расширить это карликовое окошко. И не просто расширить, а сделать его огромным, во всю стену – бетонная конструкция это позволяла.

Не знаю, насколько хорошо и быстро греки строят, но ломают они невероятно качественно и проворно. Стену разворотили буквально за полчаса. Раздолбали и ушли, оставив меня наедине с ветром, дождем и запахом моря.

Устало присев на стульчак и обозрев с нашего косогора подернутый рябью залив, развернувшийся передо мной во всей красе, я с удовлетворением убедился в том, что по окончании ремонта смогу прочувствовать абсолютно те же ощущения, которые испытывает свободно парящая в небе чайка, с головокружительной высоты гадающая прямо в море. Вот оно счастье-то! Я словно крылья широко раскинул руки в стороны и что есть силы попытался... нет, не нагадить, конечно, – самые важные коммуникации, к сожалению, были отключены – а по-птичьему крикнуть что-то вроде: «фюить». Не поверите, у меня получилось!

Та первая неделя ремонта выдалась тяжелой. А тут еще ужасная, почти что московская холодрыга и дождь, который, не переставая, лил шесть дней кряду. Как такое возможно? Ведь все кругом во время летних отпусков заверяли меня, что зима на Пелопоннесе очень теплая, а иногда вообще бывает жарко, как летом.

– Так это аномалия? – в тайной надежде спрашивал я местных жителей.

– Однозначно, – уверенно отвечали те.

Дождь закончился лишь рано утром в день отъезда, когда я уже отправился в аэропорт. За те два часа, что я ехал до Афин, все мгновенно высохло, вышло солнышко, и температура с пяти градусов моментально поднялась до пятнадцати. А мне уезжать, вот невезуха!

16. Греческая Масленица

Московская круговерть захватила с головой, но, несмотря ни на что, мне удалось закончить вторую книгу. Поскольку главному герою на каждом шагу приходилось ломать голову над хитросплетением, казалось бы, неразрешимых загадок, роман получил название «Энигматист».

Первым читателем, естественно, стала Кузя. Ее отзыв чрезвычайно важен для меня. И не только потому, что мы семья и все такое, а еще и потому, что моя жена за свою жизнь прочитала не одну тонну детективов и прекрасно ориентируется в жанре. Отзыв снова оказался хвалебным, и это было верным поводом напомнить о себе издательству. Я послал туда рукопись и, выждав недели четыре, позвонил сам.

– Вторая книга очень хороша, – с воодушевлением сказала редактор. – Теперь осталось написать третью. Три книги – это уже серия. А вот если бы в запасе было хотя бы четыре-пять таких романов...

Признаюсь, тот разговор меня не просто расстроил, а прямо-таки вогнал в депрессию. Я почему-то вбил себе в голову, что две положительно оцененные книги и толковый план третьей непременно должны запустить мои детективы в печать, но снова ошибся.

Честно говоря, написать несколько книг в стол я совершенно не способен. В этом смысле я писатель понарошку. Почему так? Мне думается, что большинство состоявшихся авторов по большому счету графоманы, в которых самым счастливым образом сочетаются литературный талант и неумная жажда писать. Возьмите хотя бы такого мэтра, как Золя. Знаете, какой девиз был выгравирован у него на камине? *Nulla dies sine linea*². А я не такой.

Насчет того, есть ли у меня талант, ничего сказать не могу, это дело читателя, а вот необоримой тяги весь день сидеть сиднем и кропать страницу за страницей у меня точно нету. Я знаю десятки, если не сотни куда более приятных способов времяпрепровождения.

В общем, новости меня сильно расстроили. И хотя я слышал, что первую книгу Джоан Роулинг о Гарри Поттере последовательно отвергли двенадцать издательств, а дебютный роман такого гиганта, как Джон Гришэм, в свое время отфутболили целых двадцать восемь раз, это знание меня не особенно утешило.

Признаюсь, в какой-то момент у меня опустились руки. Причем я удивительным образом утратил интерес не только к книгам, но и ко многим другим вещам: почти перестал писать музыку и стихи, стал реже видаться с друзьями и по большей части пребывал в дурном настроении. Дошло до того, что Кузя ненавязчиво предложила мне сходить к психологу.

Тетенька, которую я в рифму к ее фамилии прозвал про себя «доктор Депрессович», с ходу прописала мне прозак. Я, разумеется, слышал о «таблетках счастья», но никогда не думал, что докачусь до них сам. Впрочем, как сказал Софокл: «На свете все когда-то было в первый раз».

* * *

Сидя в заснеженной Москве, я рассматривал фотографии, которые в качестве отчета о проделанной работе присылала Фани. Судя по изображениям, рабочие быстренько сбили старую плитку со всех санузлов, но на этом работа застопорилась. Затем, в самом начале весны, буквально за пару дней до нашего прилета, я получил от Фани свежие фото, на которых стены санузлов мало по малу начали обрастать мрамором. Но вот что странно – цвет камня на глаз был здорово темнее, чем тот, что я собственноручно выбрал на фабрике.

² Ни дня без строчки (*лат.*).

Может, камера подводит? Цвета на фотоснимках частенько выглядят не такими, как в жизни, правда же? Поскольку до возвращения в Эпидавр оставалось совсем немного времени, волноваться оснований не было. Приедем – разберемся.

* * *

Прилетев, мы обнаружили у входной двери дары от Пятницы – большую сетку лимонов с апельсинами. Остановлюсь на происхождении этих традиционных даров от нашего зрителя, причитающихся каждому из его подшефных по приезде.

Дело в том, что Пятница присматривает за несколькими домами сразу. Когда приезжаем мы, он обирает сад соседей слева, а если они на месте, разорению подвергается сад соседей напротив и так далее. Понятное дело, что пока отсутствуем мы, а речь идет как минимум о десяти месяцах из двенадцати, все это время Пятница в качестве *welcome food* использует дары нашего собственного сада, и без того не шибко щедрого на урожай.

Поблагодарив зрителя за презент, я кинулся обследовать наполовину выложенные мрамором санузлы. О, ужас! Вместо бело-серого тона, который я заказал, стены оказались покрыты темно-серым камнем.

Слава богу, владелец фабрики без звука согласился поменять мрамор и даже сделал это без доплаты. Грузовик примчался уже через три дня, и новая партия камня переливалась именно теми цветами и оттенками, которые я мечтал заполучить. В очередной раз сбив плитку, мастера вновь приступили к укладке.

Одного из плиточников звали Макис. Этот грузный ворчун в основном выполнял черновые работы и безостановочно костерил то геометрию стен и консистенцию клеевого раствора, то качество заточки режущего инструмента и излишнюю сноровистость напарника, то погоду за окном и политику премьер-министра.

Второй плиточник – подвижный, худощавый человек по имени Йоргос Перандонакис – был не в пример куда более улыбчивым и жизнерадостным. А еще Йоргос оказался настоящим перфекционистом. Даже когда я, глядя на его работу, считая ее законченной, говорил, что все отлично и можно двигаться дальше, Йоргос с улыбкой возражал:

– Отлично? Да. Но не идеально.

И продолжал выравнивать одному ему видимые микроны. Прежде чем приступить к укладке, Йоргос в сторонке подолгу занимался моделированием, выкладывая нечто вроде бесконечного пасьянса и проверяя, насколько хорошо отдельные фрагменты сочетаются друг с другом и какую картину они образуют в целом.

Благодаря такому высокохудожественному подходу наши санузлы в какой-то момент стали больше походить на арт-объекты, чем на отхожие места. Я даже опасался, что мой организм ни за что не осмелится облегчиться посреди такого благолепия, что в итоге могло бы привести к серьезным проблемам со здоровьем. Впрочем, эти страхи мне удалось побороть довольно быстро. Ведь так устроены люди: чем красивее место, тем быстрее хочется там нагадить.

Окрыленный первыми результатами, глядя на ванные и туалеты, получившиеся донельзя роскошными, я про себя поблагодарил Фани и проникся уверенностью, что все остальные нанятые ею работники окажутся такими же супер-профессионалами, как Йоргос. Тогда ремонт оказался бы легкой прогулкой, и к этому, похоже, все шло.

* * *

Так вышло, что наш приезд пришелся на Масленицу, которую греки дословно называют Безмясицей, или Аобкриес. Надо сказать, это не исконно греческая придумка, а калька

со слова «карнавал», предположительно происходящего от латинского *carne vale*, то есть «прощай, мясо!».

Несмотря на трагизм, заключенный в названии, мяса в эти дни верующие как раз таки едят до отвала. Готовясь к долгой и мучительной разлуке с «бифтеки» и «сувлаки», греки что есть силы стремятся создать стратегический запас этих продуктов в своем организме. Кроме повальнoй обжираловки праздники, понятное дело, сопровождаются карнавалами, самым крупным из которых считается тот, что проходит в городе Штры.

Не обошлось без шествия и в Эпидавре. Причем самым популярным карнавальным персонажем в ту пору стала Ангела Меркель. Греки дружно невзлюбили ее из-за того, что формально получалось так, что именно она стояла не только за введением болезненного режима жесткой экономии, но и за жутким ростом безработицы и нищеты.

Что правда, то правда, греков отчасти можно понять. На моих глазах одна за другой позакрывались мои самые любимые лавки, мастерские и много всего другого. И вот что странно – почти все, кого я перечислил, задолго до появления евро десятилетиями успешно вели свой бизнес, получая заслуженный доход. И вот на тебе! Эти люди уж точно не имели никакого отношения к тому, как их бездарное правительство распорядилось евротраншами, но их жизнь тем не менее полетела в тартарары. И таких было много, очень много. И с каждым днем их становилось все больше. Стоит ли удивляться, что этой толпе несчастных позарез хотелось найти виновника своих бед, на которого можно излить накопившийся гнев?

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что участники праздника не только массово рянулись в костюм под названием «Меркель», но и использовали фигуру канцлера как основной мотив декора карнавальных повозок. Особо мне запомнилась одна, на которой стояла огромная кукла Меркель в образе этакого Приапа с эрегированным пенисом колоссальных пропорций.

Залихватски загнутый кверху фаллос, колом торчащий из-под юбки, размером не уступал самой фигуре и был покрашен в ядовито-розовый цвет. А еще кукла была снабжена скабрёзной греческой поговоркой, текстуально схожей с нашим крылатым выражением «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует», только более забористой. Однако смысл этого изречения совсем другой. Речь идет о резкой по форме рекомендации не запускать пальцы в чужой кошелек.

Сразу оговорюсь, что совершенно не интересуюсь политикой. Тем не менее помню, что здорово обиделся тогда за госпожу Меркель, которую считал взвешенным политиком, достойным своего поста, и даже кинулся с пеной у рта защищать ее в застольных дискуссиях с греками. Четыре года спустя страсти, разыгравшиеся вокруг греческого референдума, заставили меня поменять точку зрения. Но я снова опережаю события.

17. Гений ущерба

Меня плитку, мы решили также поменять всю сантехнику и радиаторы отопления в санузлах, поскольку то, что милостью бывшего хозяина было установлено ранее, выглядело, мягко говоря, непрезентабельно.

Так состоялось мое первое очное знакомство с греческим сантехником. Его звали Лазарь, прямо как того воскресшего библейского героя родом из Вифании. Наш, правда, был из Нафплиона, но не в этом суть.

В очередной раз забегая вперед, скажу, что если бы наш сантехнический Лазарь занемог, а потом бы, как его библейский тезка, и вовсе отдал богу душу, то появившись у его смертного одра сам Христос, я бы применил все мое красноречие, дабы отговорить Спасителя понапрасну тратить время и силы. Я просто показал бы следы увечий, нанесенных сантехником моему дому и привет – вместо Лазаря воскресили бы кого-нибудь другого.

Собственно, поначалу, как говорится, ничто не предвещало. Лазарь и его помощники были вежливы, опрятно одеты и прекрасно экипированы. Они сносно справились с установкой новых раковин и принялись за унитазы. Вот тут-то я и заметил неладное.

Вместо того чтобы аккуратно привинтить унитаз к полу с помощью шурупов, для чего в его основании имелись специальные отверстия, Лазарь с подручными самым неряшливым образом посадили стульчак на цементное основание и этим ограничились. Основание тут же расплозлось, мигом превратив туалет из задуманного Йоргосом арт-объекта в деревенский сортир.

– Что вы делаете? – возмутился я.

– Вам не нравится моя работа? – искренне изумился Лазарь.

– Это не работа, а г... вно! – вспыхнул я. – Вы что, сами не видите?

Сантехник поджал губы:

– Я в профессии много лет, и еще никто не был разочарован.

– Но почему вы использовали цемент, а не шурупы?

– Так лучше, – безапелляционно ответил Лазарь.

– Кому лучше?

– На цементе лучше держится.

– А вы видели, что в основании унитаза имеются четыре дырки?

– Ну, видел.

– Тогда почему вы их не использовали? – спросил я, теряя терпение. – Почему на цемент?

– Мы так всегда делаем. Пол обычно неровный, а цемент компенсирует эти неровности.

– Пол неровный, говорите? А ну-ка снимайте унитаз!

Пока сантехники отрывали не успевший намертво присохнуть унитаз, я сбегал за уровнем. Видя, как тщательно Йоргос клал плитку, я ни секунды не сомневался, что полы сделаны идеально. Так оно и оказалось.

Пристыженная бригада «ух» вымыла фаянс, отскоблила раствор от пола и установила унитаз на место. Наступил черед шурупов. Тут стало ясно, почему эти архаровцы так настаивали на цементе. Оказывается, местные сантехники совсем не используют специальный инструмент, предназначенный для работы по мрамору, при том, что половина санузлов в стране выложена этим материалом.

Вконец обалдевший, я стал свидетелем использования совершенно нового для меня ноу-хау. Оказалось, что в отсутствие специального сверла, которое без усилий проходит

сквозь мраморную плитку сантиметровой толщины секунд за пять-десять, технология сверления выглядит следующим образом.

Для начала перфоратор переводится в режим дрели, в противном случае мрамор сразу же пойдет трещинами. Затем плитку пытаются просверлить... обычным сверлом по бетону. Если вы не знакомы с тонкостями ремонта, то поясню: такие сверла, в силу конструкции, имеют усиленный наконечник *тупой* формы, предназначенный исключительно для долбления. Как человек с опытом, замечу, что сверлить этим сверлом очень непростая задача. Для ее выполнения, как в том анекдоте про лампочку, требуется два, а еще лучше три человека.

Хитрость состоит в том, чтобы создать как можно большее давление, с тем чтобы компенсировать вышеописанную тупость во всех смыслах этого слова. Другими словами, пока покрасневший от натуги Лазарь сверлил мрамор, двое его подручных что есть силы упирались ему в спину. Но даже при такой дружной работе на каждую дырку уходило по несколько долгих минут.

Признаюсь, у меня в запасе имелись специальные сверла всех размеров, но я из вредности не стал предлагать свою помощь. И знаете, почему? Потому что точно такие же сверла для мрамора, что я припер из России, лежат на прилавках хозяйственных магазинов Нафплиона. Однако я ни разу не видел, чтобы ими пользовались.

Грекам вообще свойственно придерживаться традиций: мой дед и прадед так делали, вот и я буду и ничего другого слышать не хочу. С одной стороны, можно, конечно, над этим насмеяться, а с другой – есть повод порадоваться за людей. С таким подходом к сохранению привычных устоев этот народ никогда не растеряет свою невероятную самобытность, что мне очень даже импонирует.

Вы скажете, если этот парень такой умный и все знает, чего же он сам не засучил рукава и не взялся за мастерок и лопату? Дело в том, что я действительно способен разобрататься с сантехникой, подвести электричество и все такое прочее. И единственная причина, по которой я этого не делаю, заключается в элементарном расчете. В свое время я самолично отремонтировал мою двухкомнатную квартиру, и вышло, к слову, неплохо. Однако закончив ремонт, подсчитав затраченное время и прикинув потенциально упущенную прибыль, я прослезился и дал себе слово впредь распоряжаться собственными ресурсами более обдуманно.

* * *

Осматривая очередной санузел перед установкой унитаза с тем, чтобы заранее показать Лазарю, что пол ровный и что вместо цемента необходимо использовать шурупы, я обнаружил несколько длинных, глубоких царапин на только что уложенном мраморе.

– Что это? – спросил я, указывая на царапины.

Лицо Лазаря мгновенно приняло обиженное выражение.

– А я откуда знаю?

Я позвал Фани и обратился к ней с тем же вопросом. Та – наглость второе счастье – сразу перешла в нападение:

– Может, вы сами и поцарапали?

С трудом удерживаясь от бранных слов и уже догадавшись о причине ущерба, я пригрозил в духе монтера Мечникова:

– Есть царапины – нет денег. Нет царапин – будет оплата.

– Но почему вы так уверены, что это наша вина? – продолжала возмущаться Фани.

Ни слова не говоря, я притащил стоявший в соседней комнате унитаз и поставил его рядом с царапинами, которые – удивительное дело – абсолютно точно соответствовали конфигурации его основания.

– Кто вчера примерял унитаз? – спросил я и поочередно обвел троих сантехников испытующим взглядом – ни дать ни взять инспектор Мегрэ.

Один из подручных Лазаря, не выдержав очной ставки, потупил голову:

– Это был я.

– А чего ж ты его тащил через всю комнату волоком, а не перенес точно на место?

– Уж больно тяжелый.

Посмотрев на паренька так, как ее древние сородичи, должно быть, смотрели на Эфиальта, указавшего персам обходной путь в тыл тремстам спартанцам во главе с царем Леонидом, Фани, всем видом изображая уязвленное самолюбие, пожала плечами:

– Ладно, раз так, вызову Йоргоса – он все отполирует.

– И сделает это за ваши деньги, – уточнил я.

После некоторого колебания она нехотя кивнула.

* * *

Монтаж оставшихся унитазов прошел без происшествий. Оставалось последнее – установить дверцу душевой кабины. Сама кабина была заранее сложена Йоргосом из мрамора, а дверь заказали аж в Италии, поскольку она должна была иметь некую конструктивную особенность, которую мы не нашли на местном рынке.

А еще заказанная дверь отличалась от всех остальных в каталоге совершенно необычным цветом и фактурой. Стекло было не просто непрозрачным, а *художественно* непрозрачным. Благодаря невероятно реалистичной патине и искусной сети трещинок, оно, казалось, было позаимствовано из какого-то столетнего буфета.

В общем, самое что ни на есть натуральное *bello* – ну вы понимаете, о чем я. Есть вещи, которые умеют делать одни только итальянцы. По этому поводу дверь стоила кучу денег, но, известное дело, за *bello* всегда приходится переплачивать. Короче говоря, мы с Кузей спали и видели, как будем омыwać наши обнаженные тела, по очереди подглядывая друг за другом сквозь романтические разводы патины и благородные кракелюры.

Неприятности с дверью начались еще в магазине. Грек-киприот по имени Панделис, тот самый, что поставил нам всю остальную сантехнику, со скорбным видом сообщил, что произошло небольшое недоразумение. При ближайшем рассмотрении недоразумение оказалось не таким уж и маленьким: итальянцы здорово ошиблись, но слава богу, не размером, а цветом. После трехмесячного ожидания груза мы увидели, что присланная дверь была отделана самым обычным стеклом, прозрачным и до безобразия незатейливым.

Конечно, теоретически мы могли отправить дверь обратно на фабрику и, судя по темпам предыдущей посылки, примерно через полгода получить другую. Но будет ли и она соответствовать спецификации? Такой уверенности у нас уже не было. Ведь я лично дважды звонил на фабрику и просил итальянцев подтвердить детали заказа, но даже эта предосторожность не помогла. Возникали и другие сомнения. Смогу ли я вырваться в Эпидавр в обозримом будущем? Удастся ли найти к тому времени помощников для установки?

Погоревав и взвесив шансы, мы решили оставить все, как есть, и вызвали Фани сотоварищи. Лазарь с подручными дружно приступили к установке и довольно быстро справились с задачей.

– Вот полюбуйтесь! – показывая на дверь, сказал Лазарь, с тем чтобы мы оценили результаты его труда. А полюбоваться было на что. За исключением собственно стекла, вся алюминиевая рама, в которую была вставлена злосчастная дверь, оказалась покрыта свежими царапинами.

– Что это? – спросил я упавшим голосом.

– Так и было, – не моргнув глазом ответил Лазарь.

– Но я же лично осматривал дверь сегодня утром. Она была девственно-новой. Что происходит? – подняв голос, спросил я.

– Мы тут ни при чем, – настаивал Лазарь.

– Но никаких царапин не было, значит, это сделали вы.

– И чем же это? – с вызовом спросил Лазарь.

– Скорей всего вот этим, – еще больше распаляясь, указал я на наручные часы нашего сантехника, размером с хороший будильник, на массивном стальном браслете. – Вы, часом, не забыли снять их на время установки? Алюминий ведь чрезвычайно мягкий металл, или вы этого не знаете?

Любопытная штука, греки промеж собой совершенно привычны к спорам на повышенных тонах, но абсолютно не переносят, когда голос поднимает чужак вроде меня. В то время я уже знал об этой местной особенности, но поделаться с собой ничего не смог. А тут еще на шум прибежала Кузя и тоже заверещала от гнева и обиды.

– А что вы хотите? – взорвалась в ответ Фани. – Когда делают ремонт, всегда наносят урон дому. Всегда! Это обычное дело. Или хотите сказать, что у вас на родине по-другому?

Я задумался, прежде чем ответить, но как ни напрягал память, так и не смог припомнить случая, чтобы кто-то из рабочих причинил ущерб моему жилищу.

– Представьте, по-другому.

– Как это? У вас там никто не ошибается? А может, у вас дома за ошибки отправляют в ГУЛАГ? – самым язвительным тоном спросил Лазарь.

Затрагивая тему ошибок, я снова должен сделать отступление. Представьте, когда в греческой школе вызванный к доске ученик делает ошибки в правописании, учитель *никогда их не исправляет*, дабы не унизить хрупкую юную душу. Все исправления делаются приватно, в отсутствие других учеников. В результате школьник вырастает совершенно безграмотным, но зато сохраняет достоинство и самоуважение. Даже и не знаю, что лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.